
ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Фото А. ГОСТЕВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 25 (2346)

Основан 1 апреля 1923 года

17 ИЮНЯ 1972

В ИНТЕРЕСАХ СССР И СФРЮ

Событием важного значения в дальнейшем развитии и упрочении сотрудничества СССР и СФРЮ, КПСС и СКЮ стал закончившийся 10 июня официальный дружественный визит в Советский Союз Президента Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председателя Союза коммунистов Югославии товарища Иосипа Броз Тито.

Товарищу И. Броз Тито, находившемуся в нашей стране по приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Президиума Верховного Совета СССР, сопровождавшим его югославским государственным и партийным деятелям был оказан теплый, дружеский прием.

Высокий гость посетил город Ригу. Вместе с ним там находился член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко. Товарищи И. Броз Тито и А. П. Кириленко ознакомились с достопримечательностями и памятниками латвийской столицы.

Президент СФРЮ, Председатель СКЮ И. Броз Тито и прибывший вместе с ним в Ригу член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко возложили венки к постаменту Мемориального ансамбля жертвам фашизма в Саласпилсе.

В Москве товарищ И. Броз Тито побывал в гостях у рабочих Первого государственного подшипникового завода, где состоялся митинг советско-югославской дружбы.

Проводы на Внуковском аэродроме.

9 июня в Кремле имела место дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом СФРЮ, Председателем Союза коммунистов Югославии Иосипом Броз Тито.

В сердечной, откровенной и дружественной обстановке, в духе взаимного уважения и равноправия проходили советско-югославские переговоры.

В Совместном советско-югославском коммюнике отмечается, что во время переговоров состоялся всесторонний обмен мнениями о результатах укрепления сотрудничества между СССР и СФРЮ, КПСС и СКЮ, дальнейших возможностях его развития. Стороны подчеркнули большое значение принятого в Белграде 25 сентября 1971 года во время визита в СФРЮ Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева Совместного советско-югославского заявления, в котором выдвинута широкая программа развития всестороннего сотрудничества Советского Союза и Югославии.

В коммюнике говорится, что отношения между СССР и СФРЮ стали еще более дружественными.

В интересах всемерного упрочения советско-югославской дружбы стороны условились о расширении контактов между руководителями двух партий, государств и правительств. Признаны взаимополезными обмен мнениями и

9 июня в Кремле имела место дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом СФРЮ, Председателем Союза коммунистов Югославии Иосипом Броз Тито.

консультации по международным проблемам, что способствует успешному советско-югославскому сотрудничеству на международной арене.

На переговорах в Москве были обсуждены как вопросы сотрудничества коммунистических и рабочих партий и прогрессивных движений, так и актуальные вопросы международных отношений.

Президент СФРЮ, Председатель СКЮ Иосип Броз Тито пригласил Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина посетить СФРЮ с официальным дружественным визитом. Это приглашение было с благодарностью принято.

Югославская общественность с большим удовлетворением встретила итоги официального дружественного визита в Советский Союз Президента СФРЮ, Председателя СКЮ Иосипа Броз Тито.

«В ходе переговоров, которые вели И. Броз Тито и Л. И. Брежнев вместе с членами делегаций двух стран,—пишет газета «Борба»,— проделана плодотворная работа, полезная для взаимоотношений наших государств и партий, а также для усиления международной деятельности в интересах мира».

Газета «Политика» подчеркивает, что дружественные и добрососедские югославо-советские отношения отвечают подлинным и длительным интересам двух стран.

«Мы убеждены,— отмечает белградский журнал «Международна политика»,— что переговоры на высшем уровне в Москве ознаменуют новый этап в развитии дружественного и взаимно полезного сотрудничества двух социалистических стран».

Товарищ Иосип Броз Тито на трибуне митинга советско-югославской дружбы, который состоялся на Первом государственном подшипниковом заводе.

ЦЕЛЬ: ДОВЕРИЕ И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Владимир РЫЖИКОВ

Мне довелось побывать в большинстве европейских столиц. Память хранит и прекрасные памятники и чудесных людей. Они где-то очень разные, но между ними много и общего. Что же именно? На разных языках в Лондоне и Париже, Риме и Афинах, в Брюсселе и Копенгагене они говорили мне о своем страстном желании видеть наш древний и многострадальный европейский континент не раздираемым противоречиями, не расколотым на военные блоки, а мирным и единым. Эти мнения выражали настроения общественности. Брюссельская Ассамблея — это уже мнение широких масс европейской общественности. Политическое значение этого события трудно переоценить.

Развитие современных международных отношений позволяет с уверенностью утверждать, что ленинская внешняя политика КПСС и Советского правительства, миролюбивый курс стран социалистического содружества, а также деятельность различных многочисленных отрядов борцов за мир во всем мире, приносят свои плоды, способствуют созданию в Европе и на всей нашей планете такого нового психологического климата, который смог бы стать залогом необратимости процесса разрядки международной напряженности. И отнюдь не случайно некоторые руководящие деятели НАТО уже не раз высказывали свое «беспокойство» по поводу роста, как они называют, «нейтрализма» в Европе, а орган английского бизнеса «Файнэншл таймс» фактически признает, что в Лондоне имеются круги, которые опасаются в результате советско-американских переговоров сокращения вооруженных сил США в Европе.

Но это только брюзжание тех, кто не желает взглянуть на мир, на Европу новыми глазами. Брюссельская Ассамблея доказала, что ныне чаша весов явно склоняется в сторону сил, которые выступают за разрядку международной напряженности. Происходящие знаменательные события на международной арене свидетельствуют о серьезных возможностях укрепления устоев мира и безопасности. Одним из этих событий, бесспорно, явились советско-американские переговоры, состоявшиеся недавно в Москве. Можно напомнить, что в совместном коммюнике, подписанном в итоге визита президента США в Советский Союз, подчеркивалось, в частности, что обе стороны «встретили с удовлетворением договор между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 года». СССР и США высказались за созыв общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в сроки, «согласованные заинтересованными сторонами, но без неоправданной задержки».

Другим важным событием явились советско-югославские переговоры в Москве. Отметив принципиальное значение позитивных сдвигов, происходящих на европейском континенте, СССР и СФРЮ подчеркнули, что тенденция к нормализации обстановки в Европе получит новый мощный стимул в результате ратификации договоров СССР и ПНР с ФРГ, которые базируются на реальностях, сложившихся в Европе, закрепляют нерушимость европейских границ.

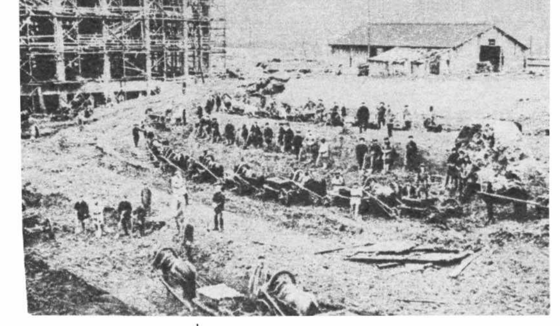
Успешное претворение в жизнь советской программы мира, внешнеполитические акции СССР и других стран социалистического содружества предопределили успех брюссельского форума и облегчают путь к созыву общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества на правительственном уровне.

Состоявшаяся 2—5 июня в Брюсселе первая в европейской истории Ассамблея общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе собрала около тысячи представителей из 28 стран. Это были люди разных политических, идеологических и религиозных взглядов, объединенные общей заботой о сохранении мира во всем мире. Многочисленная делегация СССР, которую возглавлял Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Шитиков, представляла все слои советского общества — от рабочих и крестьян до ученых и космонавтов — и внесла весомый позитивный и конструктивный вклад в работу общеевропейского форума.

На общеевропейской встрече в Брюсселе была принята Торжественная декларация, обращенная ко всем народам и правительствам, ко всем социальным и политическим группировкам в Европе. «Мир,— подчеркивается в этом документе,— един и неделим». В декларации изложены основные принципы европейской безопасности, а именно: отказ от применения силы или угрозы ее применения; нерушимость сложившихся границ; невмешательство во внутренние дела; уважение национальной независимости и равноправие всех государств; мирное сосуществование и добрососедские отношения. Важным итогом встречи в Брюсселе является, кроме того, принятие конкретного плана действия и, в частности, решение о преобразовании инициативного комитета в комитет по контактам и координации, которому Ассамблея и поручила содействовать претворению в практические дела целей мира, безопасности и сотрудничества. Участники брюссельского форума согласились также начать разработку хартии европейских народов.

Советская общественность с удовлетворением встретила результаты работы Ассамблеи в Брюсселе, которая ознаменовала собой качественно новый этап в развитии сотрудничества общественных сил в Европе, способствовала созданию атмосферы доверия и взаимопонимания между народами.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

1920 год. Так велись земляные работы на строительстве Каширской ГРЭС.
Фото ТАСС.

ПЕРВЫЙ КРУПНЫЙ КАМЕНЬ...

Владимир ИТКИН,

Владимир КОТОВ

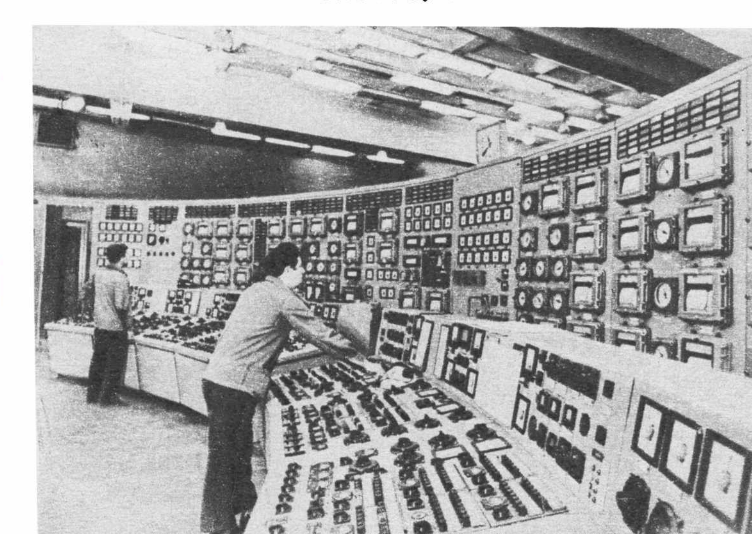
4 июня 1922 года образцовый оркестр Реввоенсовета исполнял «Интернационал» в подмосковной Кашире. Сто музыкантов, среди которых было несколько профессоров Московской консерватории, аккомпанировали многотысячному хору, певшему партийный гимн. Ни музыканты, ни дирижер, ни участники митинга по случаю пуска Каширской электростанции — каменщики, механики, крестьяне, которые пришли из десятков окрестных деревень,— еще не знали тогда, что эхо Каширы отзовется во всем мире: в разоренной, голодной, терзаемой интервентами стране началось практическое осуществление ленинского плана ГОЭЛРО. В тот день В. И. Ленину была послана телеграмма: «Каширская станция открыта. Первый крупный камень электрификации заложен. Тысячи рабочих и крестьян шлют своему вождю горячий привет!»

...На Каширской электростанции недавно состоялось большое торжество: здесь отмечалось ее 50-летие. Ветераны вспоминали, как строили, как пускали станцию. Тогда мощность ГРЭС составляла всего 12 тысяч киловатт. Сегодня в сто раз выросла ее энергетическая мощность. А к концу пятилетки будет два миллиона. Конечно, есть в стране тепловые станции и покрупнее — Конаковская, Сырдарьинская, Запорожская. Но Кашира — первенец, и поэтому ее судьба особенно дорога. Это понимало и то поколение каширских энергетиков, что работало на станции в 1941 году. В семи километрах — фронт. Правительство приняло решение эвакуировать оборудование. Все должно быть сохранено до мельчайшего болта и гайки. И каширцы бережно сохранили оборудование. В декабре 1941 года ГРЭС начала восстанавливаться. А через два с половиной месяца ее первый турбоагрегат дал ток.

Видимо, закономерно, что именно Кашира стала испытательным полигоном для советской тепловой энергетики. Здесь были выполнены работы общесоюзного значения — впервые в отечественной практике дешевый подмосковный бурый уголь переведен в пылевидное состояние и использован как эффективное топливо. Да и многие другие энергетические новшества получили здесь путевку в жизнь.

Каширской ГРЭС 50 лет, а средний возраст ее коллектива 30 лет. Но 3 июня 1972 года и ветераны и молодежь электростанции с гордостью говорили: «Нам 50!» Все работники, свободные от вахты, собрались на торжественное собрание, посвященное юбилею. Один за другим поднимались на трибуну ораторы, рассказывали о выполнении принятых обязательств. И, по традиции, так же, как полвека назад, из Каширы в адрес Центрального Комитета КПСС направили приветственное письмо и, по традиции же, подняли на флагштоке алый флаг трудовой славы.

Блочный щит управления энергоблоком мощностью 300 тысяч киловатт.
Фото В. Кунова ТАСС.

Студентка педагогического института г. Бельцы Лидия Гангану встречает гостей.

Первые шаги на молдавской земле.

БЕС

Евгений Матвеев и Нонна Мордюкова.

Сергей Орлов с друзьями своей поэзии.

Автограф Людмилы Зыкиной.

Памятник М. Горькому в г. Кишиневе.

ЦЕННЫЙ ДАР

Над холмами Молдавии прошумели золотые майские ливни. Поля, знаменитые виноградники и сады республики вошли в зрелую пору раннего южного лета. Словно сама природа щедрым убранством своим дала торжественный и высокий настрой празднику братства и дружбы молдавского и русского народов — Дням литературы и искусства РСФСР, посвященным 50-летию образования Советского Союза.

Трудящиеся Молдавии с редкой сердечностью, радушием принимали посланцев великой культуры России. Она была представлена такими прославленными на весь мир коллективами, как Академический русский хор Союза ССР под руководством Героя Социалистического Труда народного артиста СССР А. Свешникова, Академический русский народный хор имени Пятницкого, Академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии, ансамбль народного танца Дагестана «Лезгинка»... Блистательная плеяда народных артистов СССР и РСФСР, лауреатов Ленинской и Государственной премий покоряла тысячные аудитории совершенством своего удивительного искусства. Известные писатели многонациональной России рассказали своим читателям о литературе, выразителями гуманизма и гениальности которой были Пушкин и Горький. И есть многозначительная символика в том, что на молдавской земле в эти дни торжественно открылись памятники и Пушкину и Горькому, чья далекая и нелегкая юность была согрета живительным воздухом Бессарабии.

Вместе с писателями, артистами, художниками, композиторами в гости к братскому народу приехали представители героического рабочего класса России, ее мастера колхозных полей, ученые.

И всюду, где бы ни был желанный российский гость, его встречали хлебом и солью, чудесным молдавским вином, росными, благоухающими букетами, добрыми улыбками, словами чистосердечного привета: «Бине аць венит!» — «Добро пожаловать!».

Дни литературы и искусства Российской Федерации в Молдавии в этот знаменательный для всей страны год еще раз волнующе показали, что бесценный дар всех наших народов — вечная братская дружба.

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

Фото Б. КУЗЬМИНА, А. НАГРАЛЬЯНА.

Памятник поэту в селе Пушкино.

Цветы от юных старейшему писателю Валентину Катаеву.

Встретились писатели Давид Кугультинов, Юрий Грибов, Ливиу Дамиан, Кайсын Кулиев, Виктор Боков, Петр Заднипру и Емилиан Буков.

НЕРУШИМЫЕ

Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министр Революционного правительства Республики Куба Фидель Кастро Рус и член Политбюро и Секретариата Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Президент Республики Куба Освальдо Дортикос Торрадо.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Из братской социалистической Болгарии через журнал «Огонек» заблаговременно шлю братский привет народам Советского Союза.

Предстоящий визит позволит нам непосредственно познакомиться с некоторыми из тех грандиозных достижений, которых добился СССР за последние годы.

Мы снова встретимся с советскими людьми — с руководителями и народом,— проявляющими столько чувств любви и солидарности к кубинцам.

Мы уверены в том, что этот визит послужит еще большему укреплению нерушимых уз, объединяющих нас с великой Родиной Ленина.

Фидель **КАСТРО**

София, 24 мая 1972 года.

Отношения между СССР и Кубой на сегодняшний день находятся на высоком уровне. С каждым днем все более крепнут узы сотрудничества во всех областях. В ходе наших отношений личные контакты между руководителями обеих стран всегда способствовали расширению сферы взаимопонимания и укреплению уз дружбы. Считаю, что визит Первого секретаря нашей партии, Премьер-Министра Революционного правительства Кубы товарища Фиделя Кастро в Советский Союз, его встреча с советским народом и с нашими друзьями, руководителями КПСС и Советского правительства явится событием большого значения в истории наших отношений.

По случаю этого визита мы горячо приветствуем советский народ, трудящихся этой великой страны, советских коммунистов и вновь выражаем наши пожелания успехов в будущем этому великому народу и дальнейшего укрепления дружбы между советским и кубинским народами.

Освальдо Дортикос **ТОРРАДО**

УЗЫ БРАТСТВА

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ВСЕГДА

Антонио Нуньес ХИМЕНЕС, председатель Ассоциации кубино-советской дружбы, Президент Академии наук Республики Куба

Можно утверждать, что кубино-советская дружба родилась с того момента, когда у обоих этих народов появились люди, способные понимать исторические события, происходящие в этих странах. Единство взглядов есть начальная форма дружбы и солидарности — чувств, развивающихся во времени и достигающих своего самого высокого выражения, как, например, между советским и кубинским народами.

Без сомнения, великий подвиг русского народа под гениальным руководством Ленина в 1917 году открыл путь для развития новых отношений между странами.

В Великой Октябрьской социалистической революции наш народ нашел вдохновение, стимул к организованности, поддержку. Защита молодой Советской власти от империалистов и контрреволюционеров стала с тех пор неизменным лозунгом кубинского рабочего движения.

В то же время Советская страна неоднократно проявляла свою солидарность с кубинским народом, томящимся под гнетом империализма.

В 40-х годах был учрежден Кубино-советский институт дружбы. Создание этого института явилось высшим выражением чувств, которые испытывал к СССР наш народ. Туда пришли люди, считающие своим долгом служить делу прогресса и независимости родной Кубы. Именно таким человеком был первый президент этого общества известный Фернандо Ортис.

Несмотря на постоянные наветы вражеской пропаганды, дружба между нашими народами росла и развивалась.

В те исторические дни, когда советские люди в героической борьбе одержали победу над фашизмом, а кубинцы вели подготовку к решающей революции, оба народа стали настоящими товарищами по борьбе.

Победа революции в нашей стране в 1959 году открыла возможность полного, свободного и самого братского сближения между Кубой и СССР, сближения, которому ничто не может помешать.

Более близкие периоды истории показывают нам, что кубино-советская дружба и взаимопонимание, зародившиеся много лет назад, сегодня нерушимы. Это результат того, что наши народы умеют вести борьбу за свободу и побеждать в великих битвах, и битвы эти всегда были общими.

В настоящее время кубино-советская дружба проявляется во всех сферах деятельности наших стран.

Куба выполняет свою историческую задачу при экономической, технической, научной и военной помощи СССР. Эта помощь и поддержка советского народа, его партии и правительства была оказана во время организованного США вооруженного нападения на Кубу. Советский Союз помогает нам и сейчас.

Чтобы наиболее полно рассказать о дружбе советского и кубинского народов, надо было бы исписать много страниц. Можно много говорить о симпатии, которую вызывают в нашем народе великие подвиги, совершаемые советским народом. Эти чувства дружбы, сотрудничества, товарищества в общем деле борьбы с империализмом, без сомнения, будут крепнуть и развиваться.

В 1969 году была основана, как известно, Ассоциация кубино-советской дружбы. Председательствовал на этом торжественном акте наш премьер-министр Фидель Кастро, присутствовали члены Революционного правительства.

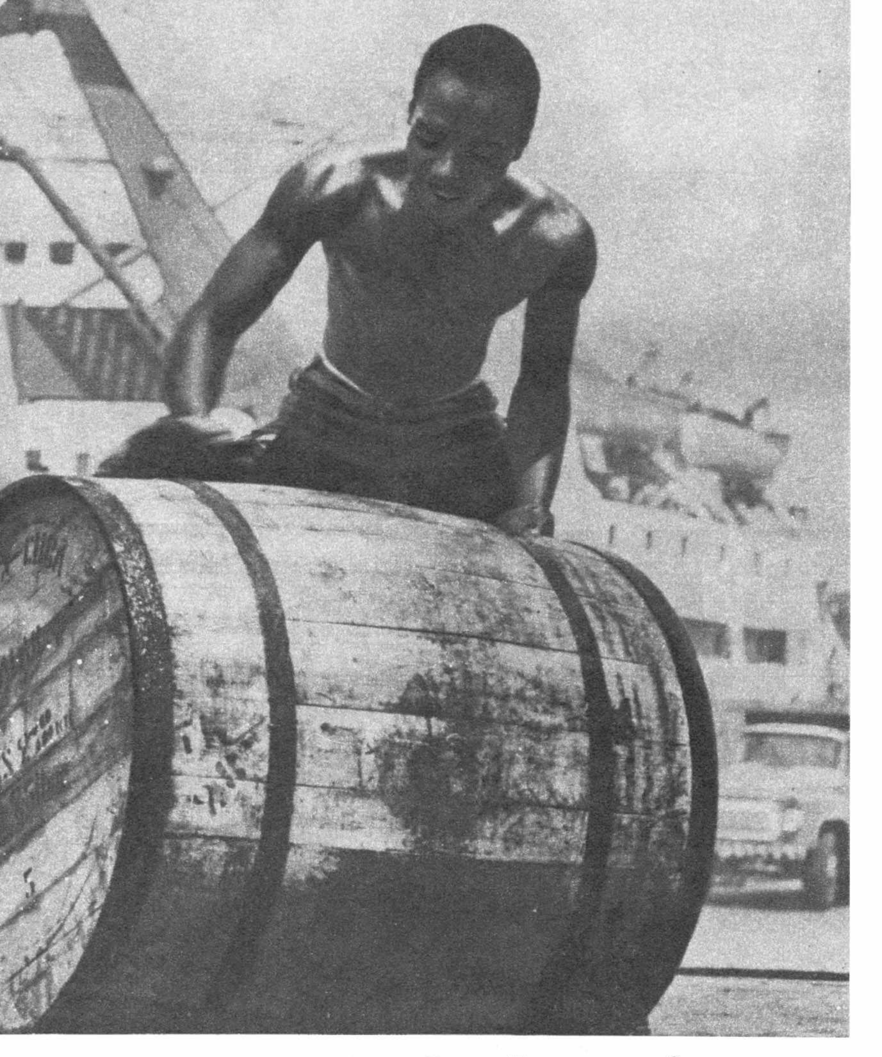
Ассоциация из года в год расширяла свою деятельность. В первую очередь она взяла на себя координацию всех мероприятий, проводимых в связи со столетием великого Ленина, а также организацию всевозможных мероприятий, связанных со знаменательными датами в истории советского народа. Ассоциация проводит конференции по советской культуре, ведет работу с туристами, приехавшими из СССР, и делает многое другое.

Предусмотрено открытие филиала Ассоциации в Сантьяго-де-Куба, а в Ленинграде с осени 1971 года уже действует филиал Общества советско-кубинской дружбы.

Если окинуть взглядом деятельность Ассоциации с момента основания этой организации до наших дней, то станет ясно, что возможности ее безграничны.

Акты проявления дружбы между советским и кубинским народами, наши контакты настолько многочисленны, настолько живые и братские! Они осуществляются во всех областях жизни изо дня в день. Ассоциация, являясь координирующим центром, должна искать и находить все новые и новые пути и средства для расширения и укрепления этих контактов.

Мы надеемся, что наши связи будут продолжать расти, у нас появится еще больше работы, и это радостно, ибо в этом — залог нашей нерушимой дружбы.

Хуану Луису Торресу, рабочему холодильника в тропиках, не страшны ни жара, ни холод.

У КРОМКИ ПРИЧАЛА

Геннадий ЗАФЕСОВ

В рыбной гавани вода деловито-зеленая, совсем не тех оттенков, что, скажем, километрах в двадцати от Гаваны. Там сине-изумрудная палитра во всем своем богатстве, во всю ширь морского простора — только диву даешься, как по-разному может выглядеть вода!

Один кубинский друг объяснял мне, что вода Мексиканского залива у берегов Кубы насчитывает шестнадцать оттенков. Точно подтвердить это не могу. Может быть, для этого нужно всю жизнь прожить у моря и чувствовать его, как самого себя, быть моряком, рыбаком или смотрителем маяка. А может быть, чувствовать и понимать море — это как иметь или не иметь музыкальный слух?

— Ну, если так,— улыбается Таурино Хименес, — то до восемнадцати лет я был глухим. С детства только и знал, что ходить за коровами да лошадьми. Конечно, чужими...

Мы сидим в маленькой, уютной капитанской каюте на промысловом судне «Раскасио». Его «специальность» — лов тунца. Понадобился небольшой ремонт, и «Раскасио» терпеливо стоит, прижав свой серый борт к шершавой стенке причала. Судно чуть-чуть покачивает легкая зыбь, швартовые канаты то слегка ослабевают, то вновь натягиваются, и тогда мне кажется, что я сижу на коне, которого привели подковать в кузницу.

— Едва я немного подрос,— рассказывает Таурино, — пришлось взять в руки мачете и идти рубить тростник. Поселок наш прилепился к сахарному заводу «Виолета». Все мужчины были рубщиками. Так проходили дни — между конюшней, коровником и полем. Уставал сильно. Хотел учиться, да где там крестьянскому пареньку думать об учебе! Надо было добывать кусок хлеба. И я считал, что мое образование после двух классов сельской школы завершено. Наверное, так бы и прожил всю жизнь, но пришла революция. Хозяев с завода прогнали. Он и называться стал по-новому, в честь дня прихода народной власти — «1 января». Вскоре я вступил в комсомол. И почувствовал в себе желание увидеть свою страну.

Трудно сейчас поверить, чтобы кубинец до восемнадцати лет ни разу не видел моря. Но я действительно его прежде не видел. А когда встретился с ним, понял: это моя судьба.

Произошло это в те дни, когда мы начали создавать национальный промысловый флот. Понадобились кадры — их не было. И через комитеты защиты революции был объявлен первый набор в рыболовецкую школу. Знаешь школу «Виктория де Хирон»? Туда мы и приехали как-то глубокой ночью. По дороге моря видно не было, и рано утром директор школы решил провести с нами беседу прямо на берегу.

Дело прошлое, признáюсь: что говорил тогда директор, я не слышал. Смотрел на ослепительную красоту моря и радовался этому чуду, и только где-то в глубине души появилась тоска: как же так, столько лет жил рядом с этим чудом и никогда его не видел, как и большинство крестьян нашего поселка. Потом я узнал, что море не всегда смеется солнечными бликами. Оно бывает грозным и опасным. Но это я узнал потом...

Пришлось Таурино постигать истины, которые уже давно были известны его однокашникам. Для этого нужно было время, а времени-то как раз и не хватало. Крестьянский сын, он привык вставать до солнца и засыпать чуть ли не с первыми сумерками. Но теперь он научился ложиться спать поздно, выкраивая два-три часа для дополнительной подготовки. А едва выпадала свободная минутка, он шел к морю и слушал, слушал его ласковый шепот, мечтая о том, как сам впервые выведет судно в этот необъятный простор. В короткие часы сна он снова и снова видел себя то на палубе, то в рубке. Да, у этого человека была мечта, а мечты людей сильных и целеустремленных обычно сбываются. И вот школа выпускает наконец тридцать пять первых своих воспитанников, которые получают назначение в рыбацкие экипажи.

...С тех пор прошло десять лет. Зарубками в памяти остались ступеньки восхождения по морской лестнице: он начинал с матроса, а теперь первый помощник.

— Нет, я уже капитан. Правда, в этом качестве я еще ни разу не выходил в море,— говорит мне Таурино и, поймав мой удивленный взгляд, поясняет: — Капитаном-то я действительно еще ни разу не плавал, а это совсем другое дело, чем быть первым помощником на судне. Море приучает к ответственности, и все же, когда знаешь, что есть кто-то опытнее и старше, груз ответственности нести легче. Старше капитана на судне никого нет — вот и волнуюсь.

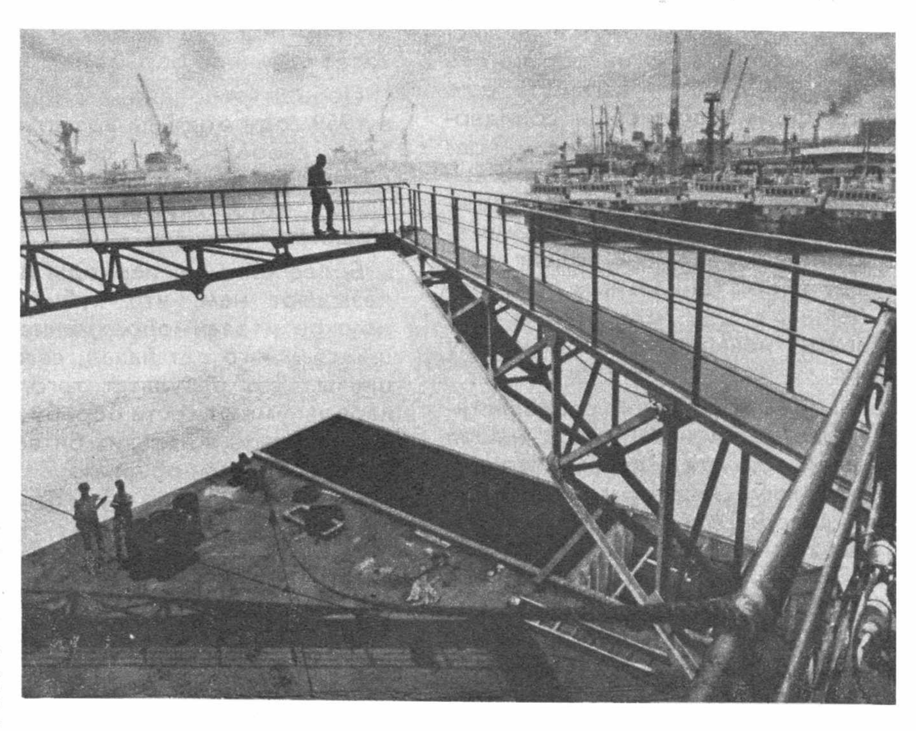
Таурино провожает меня до трапа, и я из суеверия ничего ему не желаю, а только крепко пожимаю руку и хлопаю по плечу.

Море лениво плескалось о борта судна, отбрасывая на них светлые солнечные блики, и было таким спокойным, что казалось, будто оно прислушивается к звукам порта. Вот загремела лебедка, и из чрева корабля показалась огромная сетка-карман, набитая толстыми рыбинами. Чешуя их блеснула на солнце синеватой сталью, а еще несколько секунд спустя автопогрузчик, трудолюбиво посапывая, унес свою ношу за ворота холодильника, он протянулся на несколько сотен метров и вмещает 12 тысяч тонн рыбы.

Из плавучего дока доносился перестук молотков и шипение сварочных аппаратов. Сейнер, усевшийся своим днищем на подставки, казался необычно высоким, а люди, которые около него хлопотали, выглядели до смешного маленькими.

Порт жил своей размеренной жизнью. Никак не верилось, что всего несколько лет назад на месте этих причалов, растянувшихся почти на два километра, и ремонтных цехов, за работой которых надзирает синий глаз телевизора, были болота да городская свалка, а там, где толпятся современные промысловые суда, покачивались худые рыбацкие лодчонки, на которых рискованно было отходить далеко от берега. И уловы тогда были под стать жалким суденышкам: в 1958 году — улов был 21,9 тысячи тонн, а нынешний составляет почти 126 тысяч тонн! Порт стал огромным предприятием, равного которому нет во всей Латинской Америке. И по-прежнему, как и десять лет назад, когда только забивали первые сваи, звучит испанская и русская речь. Уходят в море дружными экипажами советские и кубинские рыбаки и возвращаются с богатыми уловами в рыбную гавань, где вода всегда деловито-зеленого цвета и где их всегда встречают так, как встречают людей, поделивших свои привязанности между домом и морем.

Рыбацкая техника.

А. Наседкин (Харьков). УСЫНОВИМ!

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

В. Шаталин (Киев). БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ.

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КОМПАНЬЕРО ГИЛЬЕН!

В этом году выходит сразу две книги Николаса Гильена — событие совершенно необычное: его принцип — лучше одна книга в три года, чем три книги в один год... Но ведь и год-то для него необычный: в июле поэту исполняется семьдесят лет. Только семидесяти ему никак не дашь...

Еще собираясь на Кубу, мы мечтали о встрече с ним, но не могли надеяться, что она состоится так скоро, буквально через день после прилета в Гавану. Вышло это совсем неожиданно: на съезде Союза молодых коммунистов Кубы точно впереди нас, в следующем ряду, сидел Гильен! Слушая выступающих, он то согласно наклонял свою большую седую голову, то вдруг поворачивался назад и искал глазами кого-то в зале. Во время перерыва его можно было видеть среди делегатов, которые все его знали, и, судя по тому, как он обращался то к одному, то к другому, он, по-видимому, тоже знал многих. А на следующее утро мы окончательно убедились: Гильен имеет непосредственное отношение к этой молодежной организации, и лучшим подтверждением тому был «Гимн Союза молодых коммунистов», текст которого написал он.

— Сегодня днем этот гимн будет исполнен впервые, прямо на съезде. И знаете, сколько лет моему соавтору, написавшему музыку? Двадцать восемь! Это Франк Фернандес, молодой композитор, окончивший в прошлом году Московскую консерваторию. Работая с молодыми, всегда чувствуешь себя их сверстником...

Мы попросили Гильена рассказать о его новых книгах.

— Одна — сборник стихов «Зубчатое колесо», вторая называется «Дневник каждого дня» — в основе своей ироническая и юмористическая поэзия. Дневник обращается ко мне: «Я твой дневник, я говорю тебе о жизни...» Он ведет меня в путешествие по истории Кубы, начинается оно в шестнадцатом веке, а заканчивается штурмом Монкады. Работая над этими книгами, мне часто приходится бывать в типографии. Иногда я становлюсь к машине и работаю как типографский рабочий. Вначале всех это повергало в изумление, никто тогда не знал, что я начинал свою трудовую жизнь с этой профессии и благодаря ей имел средства для образования...

Я старый друг «Огонька», ваш журнал напечатал много моих стихотворений и издал целый сборник тиражом в 150 тысяч экземпляров. Таким крупным тиражом я больше нигде не печатался. К советскому читателю у меня отношение особое, наверное, потому, что самые лучшие мои революционные воспоминания связаны с Советским Союзом, первой страной социализма, которую я увидел. И самой большой радостью для меня была Международная Ленинская премия — самый высший балл в моей жизни поэта, общественного деятеля, коммуниста.

Нам осталось задать еще один традиционный вопрос:

— Каковы ваши ближайшие планы?

Николас Гильен весело улыбнулся и сказал:

— Прожить до восьмидесяти лет. Тогда я успею кое-что сделать еще. Да заодно надо посмотреть, как далеко шагнет Куба за это десятилетие, а шагает она широко...

Ю. КРИВОНОСОВ

Николас ГИЛЬЕН

Маленькая ода Вьетнаму

Вьетнам, тебе в лицо гляжу — и вижу ярость,
и гнев, и пламя вижу. Твоя рука — стальная,
и пальцы на руке — стальные, а винтовка
с прицелом неусыпным —
суровый крик возмездья.
Глаза прикрою — слышу
спокойный, мерный шаг
по каменистым тропам войны.
Смотрю на лоб —
и чудится, что я твою проведал тайну.

Пришельцу смерть —
читаю на лбу твоем — читаю —
отчизна-храм — читаю —
она везде — читаю —
в горах — читаю — в ветре,
в лесной глуши — читаю —
и в смельчаках — читаю,
в морской волне — читаю —
в слепом свинце — читаю
и в легком сне — читаю —
в бессонном сне отчизны,
бескрайней и прекрасной.

Боец, прильнув к прицелу,
без промаха стреляет.
Бомбардировщик наземь
снарядами повержен.
Я всматриваюсь вдаль.
Смотрите вдаль, смотрите!
Над крайними штыками уже видна победа.

На древках, как знамена,
призывы, крики, зовы:
«Ура!» и «Никогда!», крик «Никогда!» и гимны,
«Долой!» и «Никогда! Вьетнам!» —
несется к нам —
крик «Никогда! Победа!
Ты победишь, Вьетнам!»

Американские строфы

Пройти по Америке раненой
хочу я из края в край—
Аргентину и Гватемалу,
не миновав Парагвай.

Я хочу индейцу Боливии
руку пожать на заре,
на реках его забыться —
Пилкомайо и Маморе.

Я к неграм из южных штатов
наведаться в гости не прочь,
я хлопковыми кострами
осветил бы их ночь.

Народ со всего света,
я с тобою шагать хочу,
нога в ногу, рука об руку,
локоть к локтю, плечо к плечу!

На английском плачет Ямайка,
на французском Гаити скорбит:
здесь на воле язык чужеземный,
а свободу в застенке знобит.

На спину Пуэрто-Рико
наездник Муньос залез.
Почему он всегда и повсюду
раболепно ответствует «йес»?

А возьмите Санто-Доминго:
«санто» значит «святой», ну, что ж,
я скажу тебе правду святую:
за борт хитрых святош!

Народ со всего света,
я с тобою шагать хочу,
нога в ногу, рука об руку,
локоть к локтю, плечо к плечу!

Смерть надменному генералу,
нам сабля его не страшна.
Да здравствует наше сердце
и в сердце нашем весна!

Явись, отважный Сандино [1],
веди Никарагуа в бой,
по дороге на Лас-Сеговьяс
я — кубинец — пойду с тобой.

По земле кубинской шагают
победившие бородачи,
здесь рабочие и крестьяне,
и попробуй их разлучи!

Народ со всего света,
я с тобою шагать хочу,
нога в ногу, рука об руку,
локоть к локтю, плечо к плечу!

Раз уж мы повели беседу
в тесном братском кругу,
я поведаю вам легенду,
я забыть о ней не могу.

Говорят, Боливара [2] как-то
отцом наш Марти нарек,
это было звездною ночью,
ветер слово Марти сберег.

Он несет его над Америкой,
с той поры уголка не найти,
где б коня не седлал Боливар,
не стоял на трибуне Марти.

Народ со всего света,
я с тобою шагать хочу,
нога в ногу, рука об руку,
локоть к локтю, плечо к плечу!

Многое сохранилось
в памяти у меня:
как оскверняла святыни
пьяная матросня,

как представитель посольства
пришел выручать дикарей,
за спиной его были пушки
насупленных кораблей.

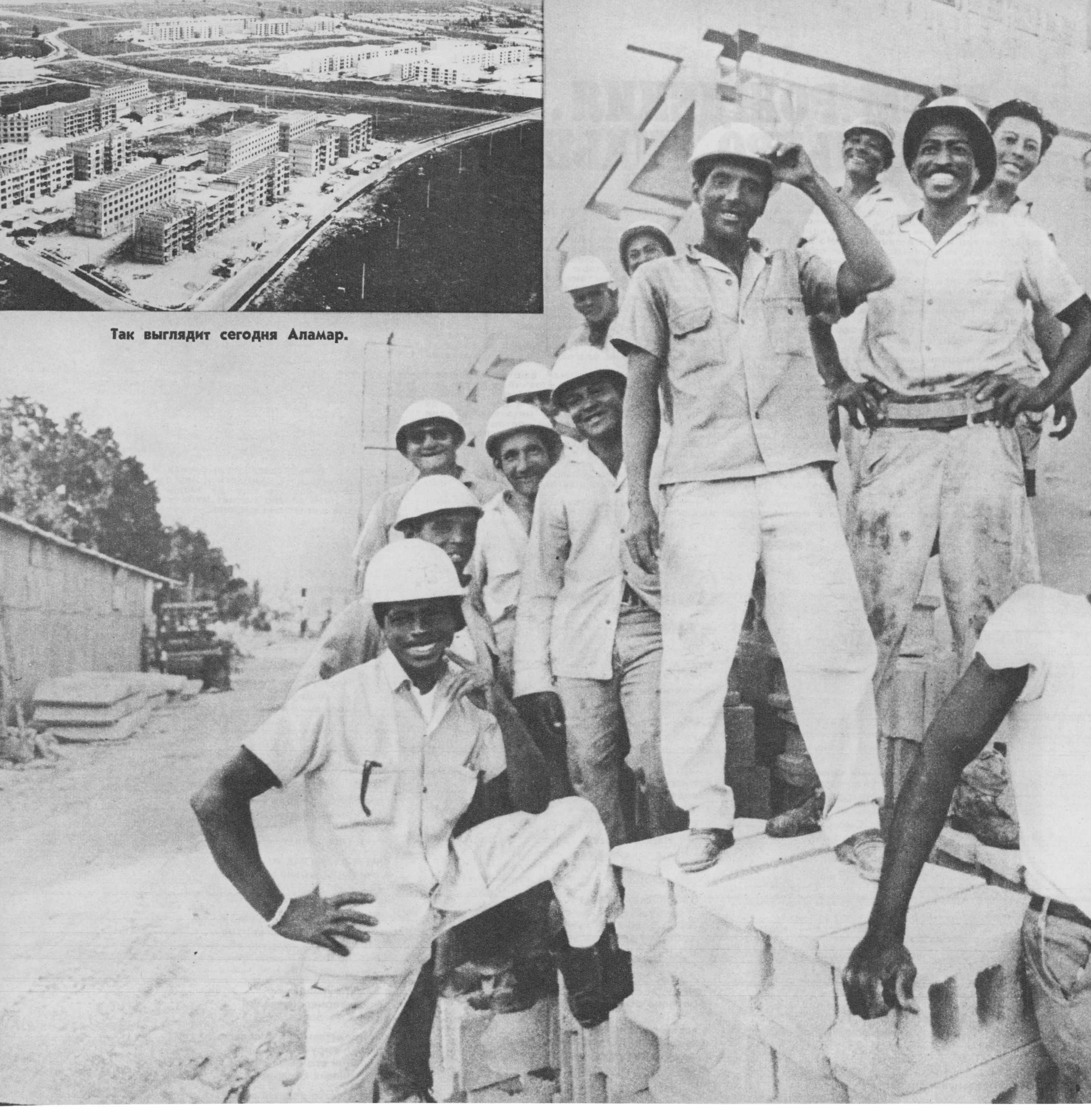
Помню, в тот черный вечер
умереть захотелось мне...
Я знаю того человека,
знаю, в какой он стране!

Народ со всего света,
я с тобою шагать хочу,
нога в ногу, рука об руку,
локоть к локтю, плечо к плечу!

Переводы стихотворений кубинских поэтов в этом номере сделаны Павлом ГРУШКО.

[1] Аугусто Сандино — никарагуанский генерал, в 1927 году возглавивший партизанское движение против американских интервентов.

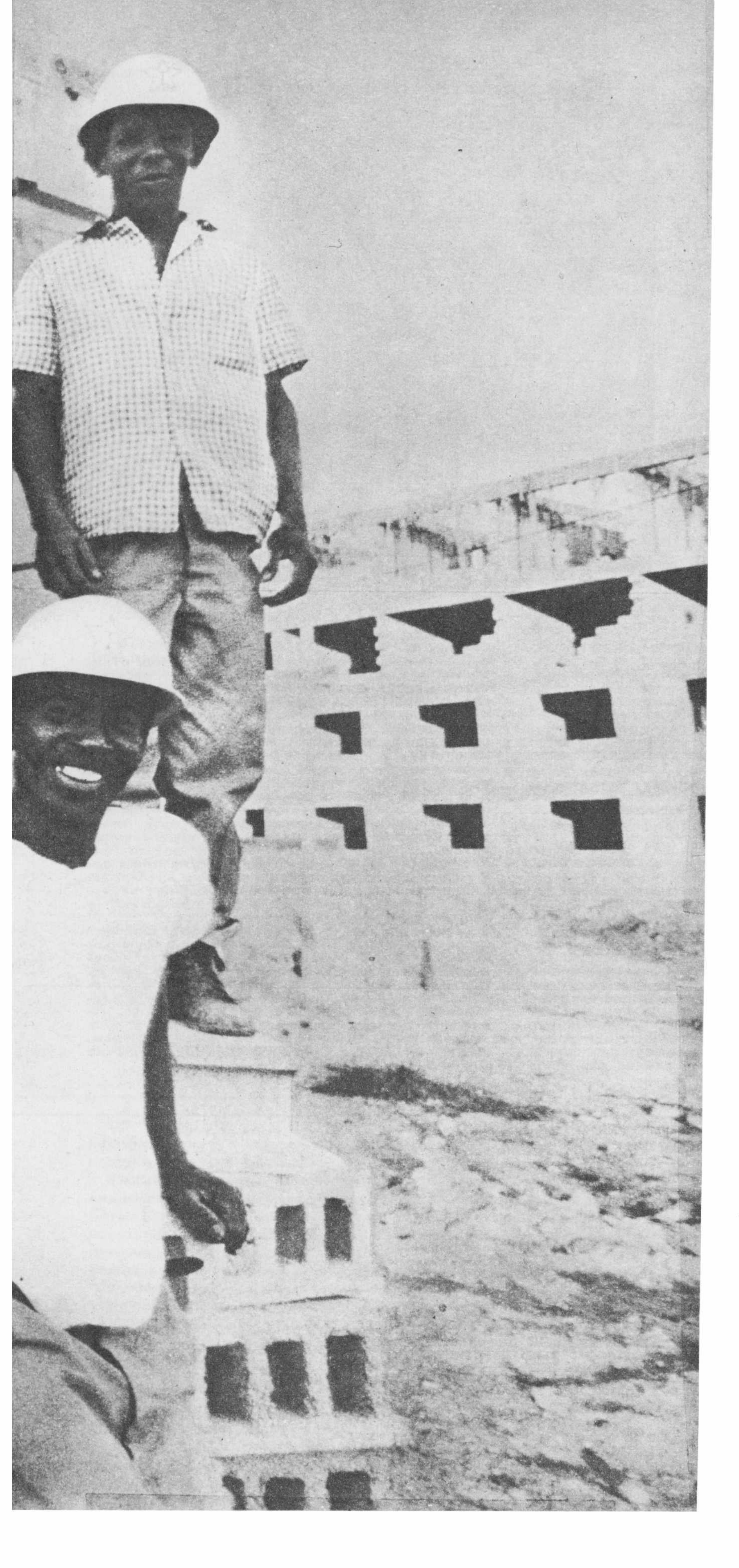
[2] Симон Боливар (1783—1830) — «Освободитель», венесуэльский генерал, один из выдающихся вождей борьбы за независимость Латинской Америки.

Так выглядит сегодня Аламар.

Ленинская бригада.

КУБА СТРОИТ

ГОРОДА

Мы, вероятно, так и не узнали бы подробностей судьбы самой Ноэми — она предпочитала говорить только о стройке. К счастью, вместе с нами в Аламаре оказался Умберто Торрес, один из руководителей Союза кубинских журналистов; и Ноэми, вся засияв, бросилась его обнимать, называя почему-то «Фонсека». Это подпольная кличка Умберто в те годы, когда он руководил молодежной бригадой «Движение 26 июля» в провинции Гавана. Он был командиром Ноэми, и она выполняла его поручения: переправляла повстанцам взрывчатку и боеприпасы, устраивала в своем доме конспиративные собрания, носила в тюрьму политзаключенным медикаменты и одежду, организовывала среди женщин движение протеста и делала многое другое, что было нужно революции.

Сейчас ей 37 лет. Она администратор на стройке Аламара, города-спутника Гаваны. Здесь, всего в семи километрах от столицы, рабочие строят себе дома, целый город, который вместе с другими новыми районами примет четверть миллиона жителей. Ноэми — член партийного комитета, она возглавляет идеологический сектор. Строители в шутку называют ее «наша политическая мама».

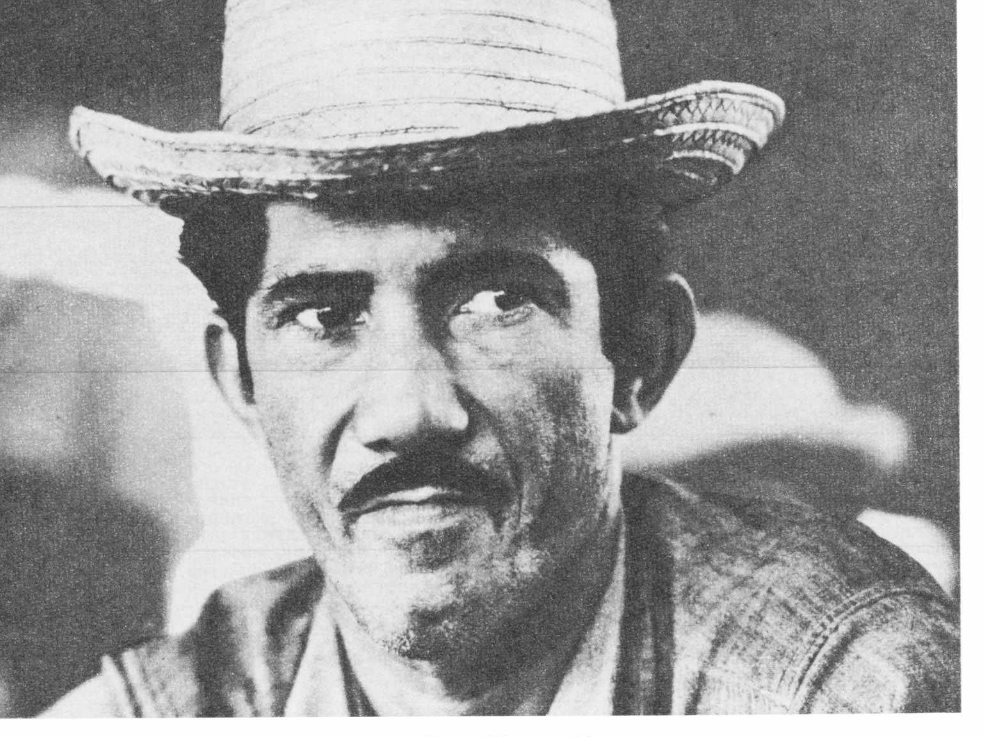
Итак, о строительстве Аламара — города-спутника Гаваны рассказывает НОЭМИ КАБАЛЕЙРО.

— Прежде всего о самой идее. Как она возникла? Бывая на предприятиях, Фидель Кастро всегда подолгу беседует с рабочими, интересуется их нуждами. Больше всего люди жаловались на трудности с жильем — проблема эта, впрочем, как и везде, острая — нам не хватает около миллиона квартир. И тогда Фидель сказал: строителей нет, и взять их негде. Пойдете строить сами? Мы вам дадим материалы и механизмы! И предложил создать микробригады, человек по двадцать пять — тридцать. Рабочим это пришлось по душе, и почти триста гаванских предприятий выделили людей — трехтысячный отряд строителей. Девяносто четыре микробригады отправились сюда, в Аламар. Собственно, никакого Аламара в ту пору не было — был просто пустырь на берегу моря. Но место выбрано не случайно. Тут еще до революции одна капиталистическая фирма приготовила к распродаже земельные участки — под виллы богачей. Здесь — великолепные пляжи, и вообще место отличное. Были уже проведены дороги, установлены столбы для освещения. Не забыли, между прочим, и табличку вывесить, предупреждающую, что неимущим и черным доступ сюда запрещается. Построить они успели только полдюжины домов, а потом народ распорядился по-своему. Почему бы и не использовать готовую площадку? Тем более что все это сделано руками рабочих, за счет ограбления которых здесь должны были строиться дворцы.

Мы пустили три завода строительных деталей, и город начал быстро расти. Работаем по одиннадцать часов, а в воскресенье — по шесть. Продолжительность рабочего дня установили сами строители, чтобы дело шло побыстрей. Каждый из них знает: пока он тут строит, товарищи на предприятии выполняют и его норму. Производство ведь не должно страдать. Энтузиазм так велик, что, когда приступили к сооружению мебельной фабрики — она должна обеспечивать мебелью наш молодой город,—люди шли ее строить, уже отработав полный рабочий день на своих участках. Закончили фабрику за пять с половиной месяцев! Есть у нас и бригада студентов Гаванского университета, среди них трудятся семнадцать вьетнамских парней.

Первые девять домов готовы, новоселье в них справили Первого мая. К концу года заселим еще восемьдесят, а в следующем году будет закончена программа номер один — все сто девять зданий. Дома четырехэтажные, на шестнадцать — двадцать квартир, но будем строить и по двенадцать и по двадцать этажей. Фундамент первого двенадцатиэтажного дома уже заложен — начало, как говорится, есть. Словом, здесь будет большой город с населением в двести тысяч человек. Для него в Гаване уже сейчас строится специальный хлебозавод, организуется автобусная линия и многое другое. Дела у нас идут неплохо. По норме в месяц на человека мы должны осваивать работ на четыреста песо. В среднем же люди делают в два раза больше, четырнадцать бригад перекрывают тысячу песо, а лучшая из них — по тысяче четыреста! Но о ней — разговор особый. Как всякое дело начинается с первого гвоздя, так и Аламар начался с первого дома. Он у нас стал историческим. На его строительстве побывали во время своих визитов Алексей Николаевич Косыгин и Андрей Павлович Кириленко. А строила этот дом та самая лучшая бригада, которую мы называем Ленинской, и вот почему. Когда на Кубе был товарищ Косыгин, он привез бюст Владимира Ильича Ленина, чтобы вручить лучшей бригаде строителей. На торжественном митинге бюст Ленина был вручен бригаде строителей, которую прислал в Аламар Национальный институт по переработке нефти. Пока место дорогому подарку определили в красном уголке, а когда мы разобьем в центре города сквер, то бюст Ленина будет установлен там, на красивом постаменте. Мемориальная доска расскажет о его истории — пусть ее узнает каждый житель нового города.

Аламар на Кубе звучит теперь так, как у вас Черемушки,— по всей стране почти возле каждого города вырос свой Аламар. Потому что движение микробригад широко шагает по всей Кубе. Как сообщила недавно Национальная комиссия строительных бригад, рабочие различных предприятий сооружают во внеурочное время более 10 тысяч квартир по всей стране.

Начальник колонны Луис Гомес Лечуга.

УДАРЫ МАЧЕТЕ

Мачетерос... Люди с такими же твердыми, стальными мускулами, как и их трудовое оружие. Ударами мачете рубят сахарный тростник — главное богатство кубинской земли: под ним около половины всей обрабатываемой земли. В авангарде коллективов мачетерос — колонна «Ренато Гитарт». Имя этого человека хранит благодарная память кубинцев: Ренато Гитарт был командиром авангарда при штурме казарм Монкада.

Мы начинаем свой день на рассвете, когда первые лучи солнца падают на капли росы. Труд наш не из легких — каждый взмах мачете помножьте на кубинскую жару.

Рубка тростника трудно поддается механизации. Комбайны, существовавшие до сих пор, могли работать только на идеально ровных участках, а их не так уж много. Но недавно закончились испытания нового типа комбайна, который создан в результате совместной упорной работы группы советских и кубинских инженеров. Опытный экземпляр сейчас вернулся в Советский Союз, на Люберецкий завод, откуда мы к концу года получим первые десятки таких машин. Они помогут нам избежать больших потерь сахара из-за несвоевременной уборки. Ведь сафра для Кубы — всегда центральное событие года. От ее успешного завершения зависит наша экономика. Мы занимаем по производству и вывозу тростникового сахара первое место в мире. Сейчас все процессы, кроме рубки, полностью механизированы, и в этом тоже сказывается огромная техническая помощь Советского Союза — тысячи автопогрузчиков, грузовиков, тракторов заняты доставкой тростника на сахарные заводы, трубы которых своими дымами возвещают: идет сафра! Многочисленные плакаты призывают горожан конец недели провести на плантациях: идет сафра! У причалов сахарных элеваторов пароходы разных стран принимают в свои трюмы сладкий груз: идет сафра!

Третий год колонна «Ренато Гитарт» выходит на штурм тростника. Это крепкий, дружный коллектив, хотя собираемся все вместе только на три-четыре месяца, пока идет сафра. Прежде мачетерос были сезонниками. В перерывах между сафрами они оказывались в бедственном положении, и хозяева плантации, наживаясь на их беде, давали мачетерос в долг продукты из своих лавок по высоким ценам. Люди попадали в кабалу и годами из нее не могли выбраться.

Валериано Кордеро ПОУСО, председатель профсоюзного комитета колонны

СИЛУЭТЫ НУЭВИТАСА

Что сказать вам про наш
Нуэвитас?
Не растут васильки и
ромашки,
Комаров оголтелая свита,
Да пропахшая потом
рубашка.
Ночь примерила звездное
платье,
В океане волна поседела,
Здесь кубинец и русский,
как братья,
Вместе делают общее дело...

Эти строки из стихотворения старшего инженера-электрика Ивана Федоровича Степаненко. Нуэвитас — город в провинции Камагуэй, где кубинцы с помощью Советского Союза строят завод азотных удобрений. Инженер Степаненко, секретарь партийной организации группы советских специалистов, познакомил нас со своим коллегой — секретарем партийной организации кубинских строителей Маркосом Рикардо Костайгне. Мы попросили их рассказать о работе двух этих организаций.

Костайгне. Ну если уж быть точным, то трех: сюда следует прибавить и партийную организацию района — все мы работаем в теснейшем контакте. Завод наш — самая крупная стройка провинции, здесь трудится тысяча восемьсот кубинских рабочих, две трети из них — молодежь. Все они впервые участвуют в строительстве такого большого и сложного объекта, и для них это великолепная школа. К счастью, им есть у кого поучиться.

Степаненко. Что верно, то верно: группа советских специалистов сформирована из очень опытных товарищей, построивших уже не одно предприятие подобного типа. Руководитель нашей группы, Владимир Сергеевич Потемкин, до Кубы работал в Монголии, был там главным инженером на строительстве Дархана — нового индустриального центра МНР...

Главная наша партийная задача — обеспечить быстрый темп строительства. Сегодня вы присутствовали при подъеме конвертора. Но вам, неспециалистам, было невдомек, что сооружение весом в восемьдесят две тонны поднимал кран грузоподъемностью всего в сорок пять тонн! Сделать это помог метод расчаленной стрелы. Он весьма сложен, и разработали его в Советском Союзе. Это одно из новшеств, позволяющих уменьшить трудовые затраты и сэкономить время. Руководил подъемом заслуженный строитель РСФСР Иван Дульнев, а помогала ему кубинская бригада.

График строительства рассчитан на сорок месяцев, но мы решили его «поджать». Коммунисты приня-

Эти вымпелы — награды за труд.

Что же касается профсоюза рабочих сахарной промышленности, то он существовал и до революции. Им руководил Хесус Менендес, и он самоотверженно добивался улучшения условий труда и жизни мачетерос. За это его убили. Этому замечательному человеку посвятил свою большую поэму наш Николас Гильен. В ней есть такие строки:

...Хесус Менендес к нам придет и скажет:
— Смотрите:
сахар!
Он теперь без слез!
Он скажет нам:
— Был долог путь и тяжела дорога,
и все же на крови моей
победа
взошла и выросла.
И вот с ее ветвей
синица запевает песню жизни
и возвещает наступленье дня!

Этот день наступил, ясный день, когда труд — радость. Теперь профессии мачетерос в чистом виде нет. Когда кончается сафра, мы возвращаемся на предприятия, где работаем все остальное время года. С сезонностью покончено.

В нашей колонне товарищи из разных профсоюзов: тяжелой индустрии, торговли, строительства, лесопереработки, здравоохранения, транспорта, связи, горной промышленности, общественного питания и других. На Кубе трудящиеся объединены в семнадцать профсоюзов. А наша организация временная, она создается только на период совместной работы на сафре и подчиняется районному совету профсоюзов.

Сейчас все мы готовимся к общенациональному съезду профсоюзов. Он состоится в конце этого года. И по всей стране идет широкое движение — каждая бригада должна нарубить на сафре миллион арроб (арроба — 11,5 килограмма). Достигается это в четыре этапа — двести пятьдесят тысяч, пятьсот, семьсот пятьдесят и, наконец, миллион. За каждый этап дается вымпел. Все наши три бригады имеют по три вымпела, а первая бригада уже получила знамя миллиона. Среди мачетерос нашего района мы занимаем первое место. Чтобы добиться этого, нужно совершенствовать свое мастерство, отработать точность движений, найти наиболее рациональный рабочий ритм. Результаты соревнования мы обсуждаем каждый вечер — по итогам дня. Сразу видно, кто добился лучших показателей и что нужно сделать другим, чтобы догнать товарищей.

Профсоюзная организация проявляет о нас большую заботу, нас обеспечивают газетами, литературой, кинофильмами. Часто приезжают товарищи с заводов со своей самодеятельностью. Идет сафра, а это значит: идет жизнь!

Отто ФЕРНАНДЕС

Рассвет над Москвой

Город уже не тонет в таинственном сумраке,
рвутся в голубизну его золоченые купола,
клубится зелень, пенятся белизною ветви,
а кровли красными вскриками
будят робкое московское утро.
Я брожу,
мои слова, как диковинные птицы,
садятся на площадь Маяковского.
Здравствуй, Владимир,
как ты высок на своем постаменте!
Куда ты так пристально смотришь?
Люди улыбаются, не понимая моих слов,
но твое сердце открыто, как дом,
готовый меня приютить, и я чувствую
доброту твоих рук, мой старший брат,
мой товарищ, и уже неважно,
что мои слова, никем не понятые,
затихают на тротуаре.
Уже мы вместе, я принес сюда запах улиц
Старой Гаваны, которые ты обошел однажды
и на которых звучат сегодня твои стихи
и лозунги, и мне хорошо сейчас —
я чувствую, как Москва
входит в мое сердце, обнимает меня
нежными руками
матери.

Луис МАРРЕ

Маленькая песня в дневную смену

Минерве Саладо.

Я расскажу о счастье,
это не сон, не сказка.

Я расскажу о счастье.
Прости, что я говорю
и продолжаю работать.

Я расскажу о счастье.
Мой рассказ — это песня
работы:
слушай меня,
глядя на руки мои.

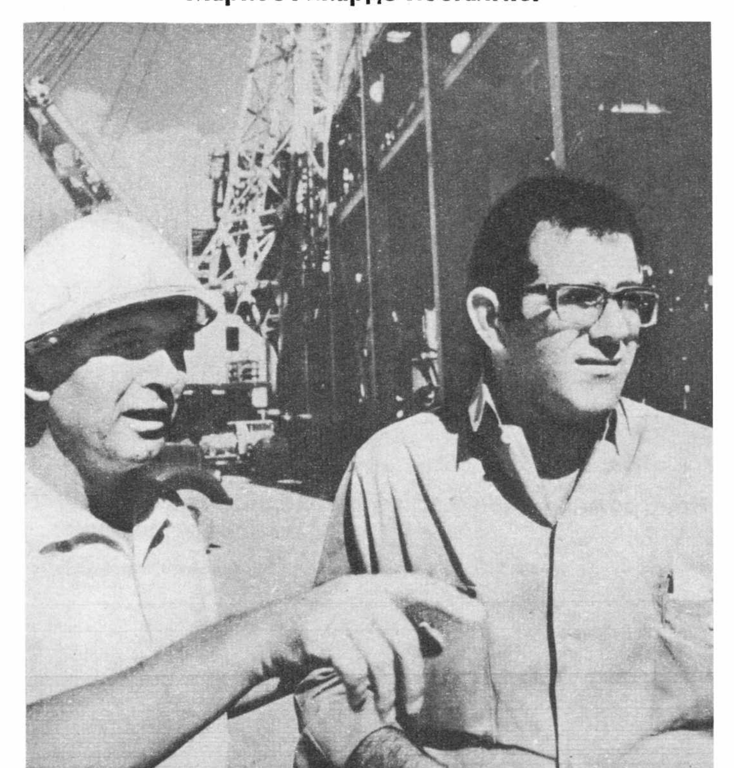
ли обязательство сократить сроки строительства на семь месяцев.

Костайгне. Именно в этом мы и видим основу нашей партийной работы. Опираясь на огромный опыт советских коммунистов, мы объединили усилия партии, Союза молодых коммунистов и профсоюза, подчинили их общей задаче. В первую очередь это — повышение квалификации всех рабочих: здесь гарантия выполнения принятых нами обязательств. Я уже говорил, что основной состав строителей — молодежь. Ребята работают с большим подъемом. Почти все вечерами занимаются в общеобразовательной школе, заканчивают среднее образование — многим ведь предстоит в дальнейшем трудиться на этом заводе, а без прочных знаний это невозможно. Будущие кадры эксплуатационников готовятся уже сегодня. Значительная часть из них прошла стажировку на родственных предприятиях в Советском Союзе. Пока они строят завод, а как закончим, встанут к пультам установок.

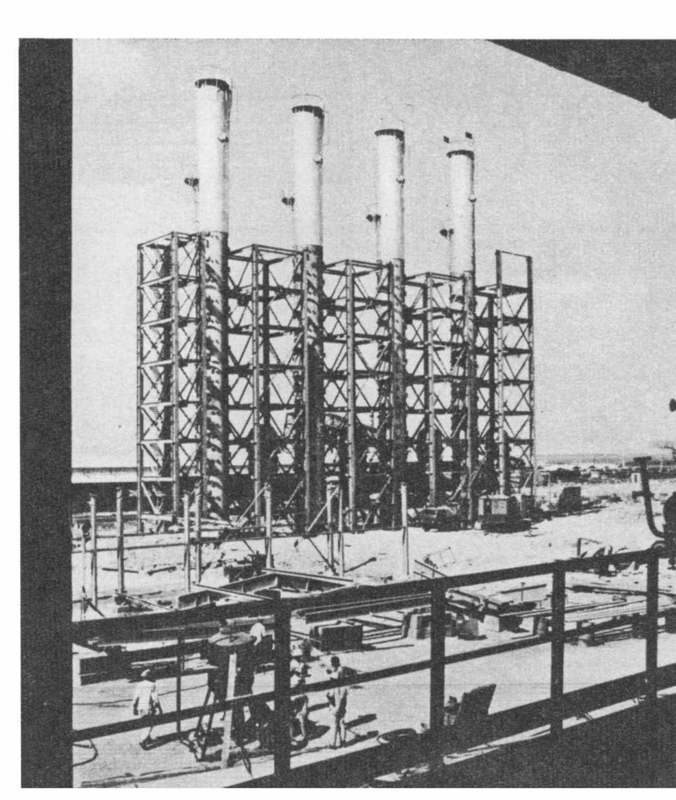
Степаненко. Хочется оставить о себе добрую память и в самом городе. Мы решили создать парк интернациональной дружбы. Кроме нас и кубинцев, в этом участвуют товарищи из ГДР (они строят в Нуэвитасе цементный завод) и из Чехословакии (они возводят электростанцию). Вместе проводим и воскресники — выезжаем на сафру.

Костайгне. Надо отдать должное и женщинам — женам советских специалистов. Они активные бойцы городского женского батальона, который дважды в неделю выходит в поле — помочь крестьянам в уходе за плантациями. Немало труда вкладывают они и в благоустройство города. У домов, где живут советские специалисты, появилось много цветов, прямо-таки показательный участок! Организуются радиопередачи по заявкам советских и кубинских женщин. Словом, каждый день что-то новое...

По итогам соревнования наша стройка признана лучшей в провинции, и советская бригада получила высокую награду — Знамя Героев Монкады.

Два парторга — Иван Федорович Степаненко и Маркос Рикардо Костайгне.

Силуэты завода.

РИТМЫ КУБЫ

Трехствольная пальма — редкость даже на Кубе.

Эвангелина Ревилья живет в горах Сьерра-Маэстра.

На огромной сценической площадке «Тропикана», под открытом небом, начинается представление...

В порту Сьенфуэгоса идет разгрузка советского судна.

Уголок Гаваны.

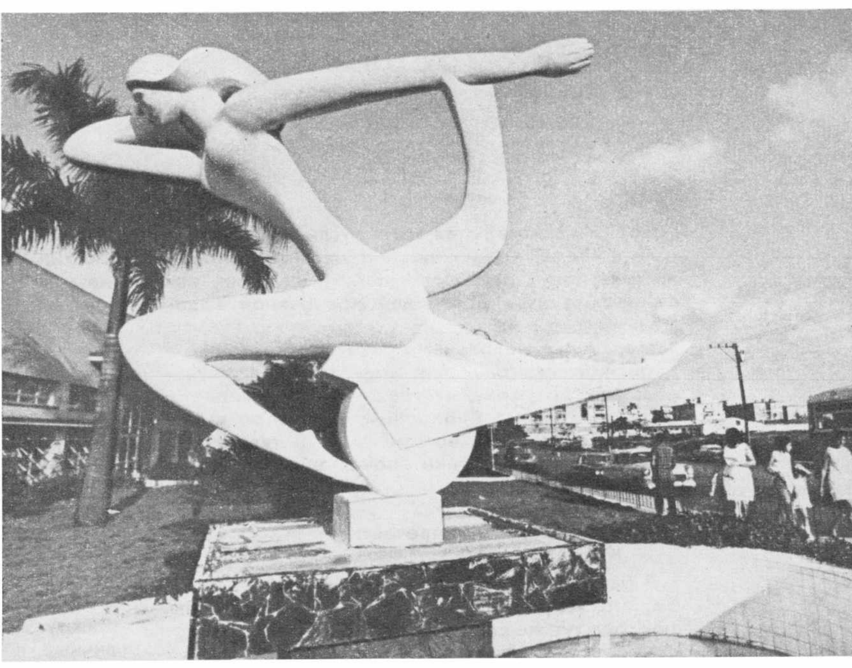

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Девушки-экскурсоводы парка имени Ленина, лучшего парка столицы.

Бейсбол — здесь самая популярная игра.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ КЛАСС

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Волны накатываются на округлый выступ берега и сбегают радужными кружевными веерами. На песке остаются чашечки раковин, наполненные чуть дрожащей прозрачной водицей.

Маленький человечек присел на корточки и пересчитывает ракушки: уно, дос, трес, куатро... уно, дос, трес, куатро...— дальше четырех почему-то не идет. Впрочем, это скоро выясняется: ей как раз четыре года, и тут ее познания в арифметике пока заканчиваются. Спрашиваем:

— Как тебя зовут?

Она звонким эхом отвечает:

— Как тебя зовут!

В разговор вступает переводчик, и мы узнаем, что зовут ее Диана Руис. Поняв наш вопрос, она тут же спрашивает:

— Как тебя зовут?

Внимательно вслушивается в непривычные слова и потом с удовольствием повторяет:

— Лева... Юра...

Наш фотокорреспондент Лев Шерстенников хочет снимать ее непременно в воде, но она боится:

— Волны такие большие, могут утонуть.

— Волны?

— Ну, да, волны, они закручиваются вниз и могут утонуть, и я с ними...

Наконец с помощью старшей сестры Эллы она все же забирается в краешек прибоя.

Вскоре приходит ее мать, и Диана кричит ей:

— Иди, я познакомлю тебя с моими друзьями!

Мы говорим, что приехали из Советского Союза, и Диана обрадованно объявляет:

— А я уже с русскими знакомилась. У вас есть большой, хороший корабль «Се-ва-сто-поль», он к нам приезжал, и все ходили туда в гости. Там нас встречали военные моряки и самый главный адмирал. Я узнала, как его зовут. И потом, когда мы уходили, ему сказала: «Соловьев, поцелуй меня!» Он меня поднял высоко-высоко, поцеловал и подарил красивый значок...

Диане понравилось сниматься, и потом она долго пела песни. Прощаясь, она попросила каждого нагнуться, чмокнула в щеку и напомнила, чтобы мы не забыли свои сумки с аппаратами.

Признаемся, мы влюбились в кубинских детей. Оставаясь веселыми, беззаботными и общительными, они необычайно самостоятельны, серьезны и со взрослыми говорят на равных.

Кубинские дети первыми ощущают на себе результаты революционных преобразований. А если учесть, что сорок процентов населения Кубы — люди до шестнадцати лет, то статистика тут красноречивей любых слов.

Дети — единственный привилегированный класс молодой республики. В них народ видит свой завтрашний день. Пройдет немного времени, и нынешние школьники вольются в ряды созидателей новой Кубы. Поэтому на повестку дня стала задача первоочередной важности — трудовое воспитание подрастающего поколения. Решается она различными средствами, но, пожалуй, главное из них — «школы в поле». Их уже много на Кубе, а к 1980 году будет тысяча. В своем выступлении на проходившем недавно II съезде Союза молодых коммунистов Кубы Фидель Кастро назвал строительство «школ в поле» одной из важнейших задач молодежи в нынешнем десятилетии.

Это городки-интернаты для учеников старших классов — от седьмого до десятого. Здесь ребята получают среднее образование и работают на плантациях, среди которых и строят такие школы. Их задача — привить ребятам любовь к труду, помочь ощутить радость созидания.

Мы побывали в школе имени Че Гевары в провинции Гавана. Она была первопроходцем — с нее в 1968 году началось осуществление этого грандиозного плана.

Первое, что мы здесь увидели,— выезд на работу. Весело и шумно ребята грузили различные инструменты, а потом и сами забрались в кузов машины, покатили на плантацию. Мы последовали за ними и вскоре убедились, что и работают они так же весело и увлеченно. Одни учились орудовать мачете, другие с упоением осваивали маленький трактор «Пикколино». Руководил ими восьмиклассник Рамон Пераса — признанный тракторист-инструктор. Потом мы вернулись в школу, в ее просторные, прохладные классы, где в это время шли письменные экзамены. Пока ребята трудились над задачками, мы успели побеседовать с преподавателем математики, двадцатилетним Фернандо Гутом, сыном гаванского рабочего, членом Союза молодых коммунистов. Он рассказал, что у него есть два брата и они работают в сельском хозяйстве, а он вот стал учителем и очень этим доволен, потому что нет большего счастья, как помогать детям стать настоящими людьми. Преподает он в седьмых классах — у него двести учеников, а всего в школе — пятьсот.

Здесь есть все, что надо для жизни,— и спортплощадки, и врачебные кабинеты, и парикмахерская, и клуб. Дети находятся на полном государственном обеспечении.

Потом мы опять поехали в поле, на участок, где ребята убирали фасоль. У них был перерыв, и мы, воспользовавшись паузой, спросили одну из девочек — Марту Вальдес, что она знает о Советском Союзе.

— Я знаю, что это очень большая страна, где детям хорошо живется. Советский Союз помогает нам и всем хорошим людям на земле. По истории мы уже начали изучать Октябрьскую революцию и знаем, что Ленин был герой, все, что он сделал,— для блага народа. И я тоже, когда вырасту, буду все делать для блага народа...

Мы рассказали ребятам о наших школьниках. Их особенно удивило, что в Якутии дети не ходят на занятия, когда мороз больше пятидесяти градусов.

— Это, наверное, очень холодно,— сказала, поразмыслив, Марта.— Я могу себе представить, потому что когда у нас зимой бывает плюс восемь—десять градусов, то тоже очень холодно, и все надевают кофты.

Нам стало очень весело, и мы спросили ее, как она представляет себе снег.

— Вроде искусственного льда, на ощупь должен быть холодный и твердый. Я читала, что у вас зимой реки становятся твердыми и по ним можно ходить, как по земле...

Школа имени Че Гевары с ее прекрасными помещениями уже не новинка. Сейчас строят еще более удобные. Разработан даже совершенно новый тип зданий, которому присвоено название «Хирон». Они вырастают во всех провинциях...

Молодежи отданы лучшие дома и дворцы. Целые районы стали «детскими республиками». Одна из них, Мирамар, район Гаваны, тянется на километры вдоль берега моря, откуда и пошло его название: Мирамар — «смотри море». Прежде здесь «смотрели море» только богачи.

Мы идем по усаженной пальмами Пятой Авениде. Веранды домов уставлены детскими стульчиками. Вывески объясняют, что это детские сады. Один из них называется «Таня». В других домах хозяйничают школьники в сине-белых пионерских галстуках. Некоторые особняки заселены народом постарше — в раскрытые двери видны склонившиеся над книгами студенты.

У большого здания современной архитектуры Мануэль, наш переводчик, останавливается и говорит:

— Здесь помещается школа имени Максима Горького, первая на Кубе, в которой началось изучение русского языка...

На Кубе нам не пришлось разыскивать людей с интересными судьбами, они нам встречались на каждом шагу. И судьбы эти начинаются с самого детства. Мануэль Верденсия, который сопровождал нас в нашей поездке, как и многие молодые кубинцы, в 1961 году откликнулся на призыв революции и отправился воевать с неграмотностью. Ему не было еще шестнадцати, когда он обучал грамоте крестьян в горах Сьерра-Маэстра, в своей родной провинции Орьенте. Потом его направили в Гавану, сюда, в школу Максима Горького.

Теперь русский изучают во многих школах.

В музее Второго фронта, который проходил в горном районе Сьерра-Кристаль, мы увидели две фотографии. На одной — занятия в школе боевой подготовки для повстанцев, на другой — урок в начальной школе. Дети сели за парты, когда вокруг еще гремели бои и вооруженная борьба была в самом разгаре. А те, кто был постарше, сами участвовали в этой борьбе.

После победы революции на защиту ее завоеваний встала вся страна от мала до велика. В кадрах кинохроники, снятых в дни отражения интервенции на Плайя Хирон, у зенитных установок мы видели мальчишек 14—16 лет, а рядом — сбитые ими американские самолеты.

После разгрома десанта встал вопрос, что делать с захваченными контрреволюционерами.

Командир вертолета старший лейтенант Луис Руис — солдат революции.

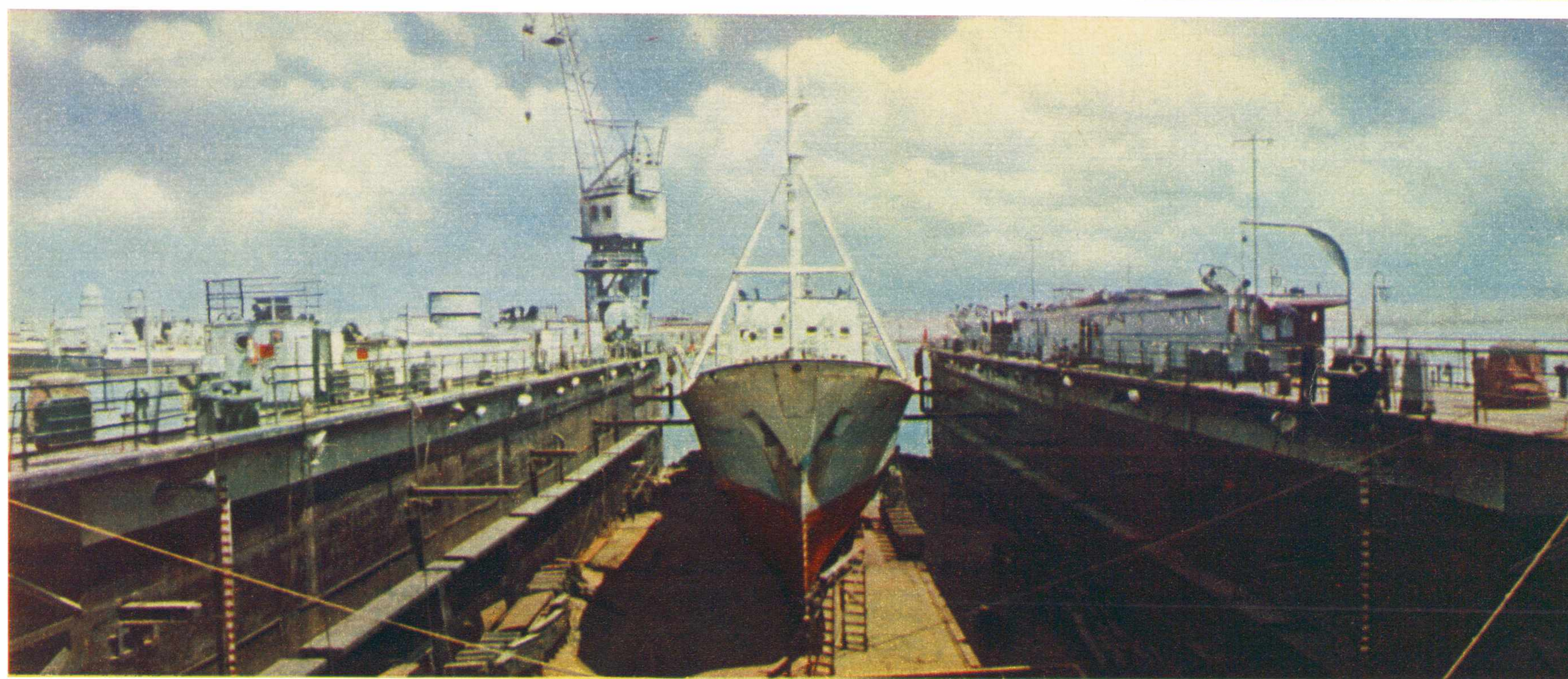
В таких доках «лечат» самые мирные корабли — суда рыболовного флота.

Вдвоем.

На развороте вкладки:
Фидель Кастро Гутьеррес из Сантьяго-де-Куба.
Жилой район Западная Гавана построен после революции. Его хозяева — рабочие столицы.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

25

Fidel
Castro

И было принято решение: обменять пленных бандитов на компот и медикаменты для кубинских ребятишек. В Сантьяго-де-Куба в редакции газеты «Сьерра-Маэстра» до сих пор висит на стене карикатура тех дней: малыш несет на плече огромный сачок. В нем сидит интервент в маскировочном костюме, физиономия у него небритая и тоскливая. А малыш, облизываясь, весело смеется: над ним нарисована здоровенная банка компота...

Прежде Гавана не имела своей зоны отдыха, теперь таким местом стал парк имени Ленина, торжественное открытие которого состоялось в этом году, в день рождения Ильича. Два дня шел настоящий праздник. Проводились литературные чтения, фотовыставки рассказывали о жизни Ленина, демонстрировались фильмы об Октябрьской революции.

Главный архитектор парка имени Ленина Антонио Кинтана, добрейшей души человек, в прошлом член подпольной группы, активно участвовавший в повстанческом движении, показал нам в парке все сооружения и с особенным удовольствием то, что сделано здесь для детей. Это и железная дорога, и кафе «Цыпленок», и площадка, где родители могут оставить на весь день ребят под опекой опытных воспитателей.

— Когда я первый раз вернулся из Советского Союза, где знакомился с вашей парковой архитектурой, сооружениями общественного назначения,— рассказывает Кинтана,— то сказал коллегам: «Это великая страна, потому что дети там веселые и всегда смеются. Сделаем так, чтобы и нашим детям славно жилось». Мы выдвинули идею создать специальный детский парк, который, по нашему замыслу, должен стать безраздельным ребячьим царством...

На Кубе, как и в любой стране, есть свои трудности. Меньше всего их ощущают на себе дети. Например, не хватает молока. Но каждый ребенок до семи лет в обязательном порядке получает ежедневно литр свежего молока. Остальным пока приходится довольствоваться сгущенкой. Проблема эта уходит своими корнями в прошлое. Местные породы коров малопродуктивны — молока от них, как от козы! Сейчас создается новая, высокопродуктивная порода, приспособленная к тропическому климату. По всей стране уже построены и продолжают строиться большие животноводческие комплексы. На строительстве одного из них в горном районе Эскамбрай мы побывали. И увидели великолепный поселок из современных четырехэтажных домов с романтическим названием «Ла Яйя» (индейское название дерева). Поселок построила бригада сельскохозяйственного развития и передала скотоводам, которые переселились сюда из другого места. Десятки семей уже переехали, а новоселы все прибывают. Посредине поселка — щит, на котором написано: «Все, что здесь будет построено, сделают наши руки!» И руки эскамбрайских пастухов берутся за лопаты и мастерки, в ближайшее время вырастет здесь животноводческий комплекс. В Ла Яйе мы познакомились с Арелис Моралес, которую все здесь зовут «мучача руса» — русская девочка. Она просто вылитая рязаночка. Арелис играла — расставляла игрушечную мебель, больше всего ей нравился холодильник.

Подружки Омелия Лопес, Аиде и Сусанна Калль — студентки спортшколы города Камагуэй.

Щедро кубинское солнце.

Обычный день рыбного порта.

Центральный госпиталь имени В. И. Ленина в городе Ольгине — крупнейший на Кубе.

Эти девушки работают в городе продавщицами, но в напряженные месяцы уборки табака выезжают на помощь крестьянам.

Комбайны с маркой «Сибиряк» ждут выхода на поля.

Читальня в гаванском парке имени Ленина — это огромный грот.

В школе «8 октября» идут экзамены.

Это понятно. Все люди, переселившиеся сюда, никогда в жизни до этого не пользовались электричеством! В киножурнале, снятом при заселении поселка, есть кадр: крупно — лицо девочки, впервые увидевшей новую квартиру со всем современным убранством, ее потрясенные глаза. Люди, смотревшие этот журнал, плакали.

Революция заботится не только о пище насущной для своих детей, но и духовной, стремясь, чтобы молодое поколение постигло значение совершающихся в стране преобразований. На сахарном элеваторе в Сьенфуэгосе мы встретили большую группу школьников, которые сказали, что пришли познакомиться со стройками революции. Особенный интерес у них вызвал гигантский ангар для хранения сахара (90 тысяч тонн!), где так вкусно пахнет свежеиспеченным пирогом. Ребята как зачарованные ходили возле возвышавшихся там сахарных монбланов.

У библиотечной стойки университета в городе Санта-Клара выбирали себе книжки несколько школьниц. Оказалось, что при университете существует начальная школа, и ее ученики могут пользоваться библиотекой наряду со студентами.

На Кубе неисчислимое множество детских спортивных площадок — они и у школ и в жилых кварталах, почти в каждом большом городе есть прекрасные стадионы для маленьких спортсменов. Все это создано уже после революции, с использованием современнейших архитектурных форм. Специальные школы готовят преподавателей физкультуры, выпускники которых сами еще почти дети — им по 16—18 лет.

Забота о детях ощущается во всем. Даже в такой, казалось бы, мелочи, как мороженое. Впрочем, мороженое для кубинца почти культ, даже для взрослого, о детях уж говорить не приходится. И мороженое очень вкусное, хотя прежде таким не было — рецепты разработаны уже в последние годы.

В Камагуэе в ресторане гостиницы мы вдруг услышали детский голосок, распевавший популярную песенку. Все посетители тут же поднялись и пошли посмотреть, что происходит. А происходило следующее. За одним столом обедала большая группа вьетнамской молодежи, и дочь кассирши, семилетняя Соня Кабреро, узнав, что перед ней герои Вьетнама, решила дать им концерт, выразив таким образом свое восхищение их мужеством. Пела Соня отлично да еще при этом грациозно пританцовывала.

Музыкальность кубинцев потрясающа, и зарождается она с пеленок: малышам часто вместо погремушки служит маракаса — музыкальный инструмент, в принципе тоже большая погремушка. Поэтому мы уже не удивились, встретив в том же Камагуэе во главе праздничного шествия ребячий оркестр. Двадцать пять мальчишек гремели в двадцать пять разнокалиберных барабанов, а еще с десяток лихо вызванивали на различных отслуживших свой срок автомобильных деталях затейливую железную мелодию. Иногда этот громогласный оркестр задавал такой бешеный ритм, что ухо было почти не в состоянии его улавливать. И все же колонна демонстрантов поспевала за ним, и, по существу, это было не шествие, а общий танец, озорной, веселый и необычайно зажигательный: мы вдруг обнаружили, что сами приплясываем вместе со всеми.

Кубинцы при всем их темпераменте, однако, любят и тишину, неторопливый разговор, сопровождаемый мерным поскрипыванием кресел-качалок, которые есть почти в каждом доме. Вечерами, когда спадает жара, они вытаскивают их на маленькие веранды или просто за порог дома и коротают часы в кругу семьи или соседей. В такой тихий вечер где-то на окраине Сантьяго-де-Куба мы были гостями одной семьи. Самый младший ее представитель, поджав ноги калачиком, сидел на полу перед телевизором и был целиком поглощен перипетиями забавного мультфильма. Когда фильм окончился, он дал нам интервью, в котором сообщил, что полное его имя Фидель Кастро Гутьеррес, лет ему восемь, а учится он во втором классе. Отметок пока не выставляли, а за первый класс имел девяносто. В кубинских школах стобалльная система, и девяносто — это отличник, не совсем уж круглый, но все-таки отличник. И еще он нам доверительно сказал о своей мечте — в нынешнем году приблизиться к сотне, так как хочет во всем походить на большого Фиделя: «Вы знаете, как он отлично стреляет из пистолета? Выбивает сто очков!»

Потом маленький Фидель куда-то убежал, и через несколько минут мы обнаружили его в компании сверстников у другого телевизора, который стоял прямо на улице, и перед ним на скамейке сидело десятка два людей. Собственный телевизор пока еще далеко не у всех. Но зато в каждом квартале есть общественный. Для них построены специальные домики, похожие на большие бетонные скворечники, чтобы дождь не заливал.

Но встречались нам и комнаты, где стоит сразу по два телевизора. Это школьные классы. Два затем, чтобы всем ребятам было удобно смотреть учебные программы, транслируемые центральным телевидением.

Страна заботится о том, чтобы не была потеряна ни одна крупица талантов детей.

В этом — смысл тех усилий, которые прилагает Куба, чтобы дети ее выросли настоящими строителями социализма.

Гавана — Москва.

Элисео ДИЕГО

* * *

Когда бы вы слыхали,
как мой отец выпаливал:
«Республика!»

В трамвае желтом —
«Республика!» — всей грудью,
словно речь идет
о нежной, ненаглядной,
священной матери
его детей.

В кафе лиловом —
«Республика!» — чуть-чуть
помедлив, словно дуэлянт,
кладущий
свою эбеновую трость,
и душу,
и убежденность
на холодный столик.

Как будто это —
нечто материальное,
душа, рубаха,
две руки
или частица
его существованья.

«Республика!» —
мне так не произнести.

Луис СУАРДИАС

Гитаристы уже не заходят к нам в дом...

Памяти команданте Паса,
героя Сьерра-Маэстра

Рамон Пас Боррото, твоя винтовка жива.
Годы ушли. И ты вместе с ними.
Ты во мне говоришь и поешь. В кармане
укороченный кольт. В сердце — Надежда.
Твоя мама учит меня писать. Ребята
играют в прятки. Гремят поезда.
Твоя сестра стирает с вазонов пыль.
Гитаристы идут по Росарио. И ты с ними.
10 октября вся полиция в белом.
Процессия верующих. Полиция стреляет.
Плотник падает на мостовую.
Шесть похоронных коней. Негры плачут.
Твой конь — на самой высокой горе.

Однажды тебя догоняют пули.
Уже твоя мама не живет на Росарио.
Гитаристы уже не заходят к нам в дом.
Ты стоишь.
Поешь.
Солдаты стреляют.
Рамон Пас Боррото... Годы прошли...

«...УСКОРИТЬ ТЕМПЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА ПУТЕМ ВСЕМЕРНОГО РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В НАИБОЛЕЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ОБЛАСТЯХ НАУКИ И СОКРАЩЕНИЯ СРОКОВ ВНЕДРЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРОИЗВОДСТВО...»

Из Директив XXIV съезда КПСС

ИЗ ЛАБОРАТОРИИ — В ЦЕХ

Л. КОКИН

ЕСТЬ КОНТАКТ!

1

В Институт гидродинамики Сибирского отделения АН СССР заводские пришли сами. Обращаясь к ученым, инженеры знали, что существует такой способ — штамповка взрывом. Но одно дело — знать понаслышке, даже читать, другое — применить к себе. Завод есть завод. Производство изо дня в день задает столько неотложных и подчас головоломных задач, что текучка, как известно, нередко людей заедает. И это — ее главное свойство. Но на Новосибирском заводе имени Чкалова люди оказались сильнее текучки. В шестьдесят пятом году нацелились на семьдесят пятый.

Но почему же их заинтересовала штамповка взрывом?

Не обязательно быть специалистом, достаточно раз посмотреть на машину вблизи, чтобы увидеть, как поработали над ней прессовщики. Крылья, фюзеляж, оперение — все это из отштампованных деталей. Для штамповки специальных сталей необходимы огромные усилия мощных прессов и сложная, дорогостоящая оснастка. Но даже и обычный дюраль штамповать нелегко.

Дробный перестук молотков не смолкает в прессовом корпусе. Это рабочие-дюральщики доводят отштампованные на прессе детали. А можно бы, по расчетам инженеров, это делать принципиально новым способом. Коротким ударом прирученной взрывной волны.

Взрыв срабатывает почти моментально, в миллионные доли секунды. При таких скоростях деформации многие металлы делаются пластичными. Роль подвижной части штампа выполняет при этом... вода: прижимая металлический лист к матрице, заставляет принять ее форму.

Многообещающий способ... Непривычный способ...

То, что заводские инженеры со своей наметкой пришли в Институт гидродинамики к академику Лаврентьеву, объясняется просто. Об увлечении академика взрывами на новосибирских заводах знают еще с тех пор, как на одном из них, притом неожиданно, ученые обнаружили новое свойство взрыва: оказалось, что взрыв мог работать как сварщик.

2

Какими бы проблемами ни занимался Михаил Алексеевич Лаврентьев, высокая теория неизменно сочетается у него с практическим делом. Математика, механика, физика — с техникой. Абстракция — с хозяйственными договорами. Костяк сибирского Института гидродинамики составили ученики академика Лаврентьева по физико-техническому институту. А сам он, прежде чем стать доктором физико-математических наук, получил в свое время степень доктора технических наук.

К чему вспоминать обо всем этом? Чтобы пояснить обстановку, в какую попали в академическом институте два заводских инженера, технологи по штамповке металла.

Инженером, впрочем, был только Борис Бишев. Другой Борис, Ефанов, технолог был опытный, но институт вечерний только кончал. Штамповку взрывом выбрал себе как тему для диплома и у Лаврентьева проходил преддипломную практику.

...После очередного взрыва помпа выкачивала из бассейна воду. Люди выходили из-за укрытия, ожидая, когда из воды покажется матрица с закрепленной на ней деталью. Вернее, с тем, во что превратился металлический лист после взрыва. Обсуждали, куда переместить заряд, или насколько его облегчить, или как распределить, чтобы попробовать снова. Перед следующим взрывом все опять прятались. По правилам. Только после этого физик Леонид Лукьянчиков устанавливал заряд, который подавался в бассейн — в заданное место и автоматически взрывался, и воду вздымало куполом, а по лесному полигону, по березняку катилось глухое эхо.

Лукьянчиков — ученик академика Лаврентьева. Ему-то что, взрыв — его профессия, точнее, физика взрыва, а вот заводские технологи к этому не привыкли.

Попадать в критические положения случалось каждому, кто имеет дело со взрывом. Академику Лаврентьеву, например (известна его фраза при благополучном исходе: «Считайте, что мы родились заново»). Или профессору Мигиренко, его заместителю по институту. И Лукьянчикову, понятно, тоже. А вот заводским технологам острых минут не досталось — благодаря тому, что начинка предложенных Лукьянчиковым взрывателей была «вторичной». То есть малочувствительной. Это было чрезвычайно важно для механизации и автоматизации будущего производства. Но эта их особенность (не взрывались, когда не надо) несла в себе одновременно существенную угрозу (что не сработают, когда надо). Возможность подобных сбоев надо было начисто предотвратить. Для производства недостаточно, что взрыв как штамповщик пригоден «в принципе». Станок, как известно, обязан работать не «в принципе», а в кожухе! Речь шла о том, чтобы создать автоматизированную установку для промышленного изготовления деталей. Совсем не тривиальная стояла задача, поистине физико-техническая: создать устройство, безопасное и безотказное, чтобы срабатывало в нужной точке и в нужный момент, не боясь ни воды, ни взрыва. Один генератор чего стоил — необычный, посылающий импульсы, которые бы взрывали заряды в точности в рабочей зоне — ни раньше, ни позже.

Рядом с этим автоматом-искателем другие устройства казались заметно проще. Но и их надо было сделать, имея в виду, что станок обязан работать в кожухе! Спасибо, у Лукьянчикова оказалась подмога — механик, электрик и испытатель. И высочайшей квалификации токарь — пятый разряд сам за себя говорит. А также конструктор и слесарь, но конструктор особенный: обсудив идею, сразу переводит ее в металл. Все это совместил в себе один человек — Георгий Степанович Федосеев.

3

Сам Федосеев определяет так свою роль при науке: мастеровой человек. Нет ценнее сотрудников в исследовательских институтах. Академики жмут им руку при встрече и спрашивают о здоровье. Без таких, как Федосеев, научному прогрессу пришлось бы туго. Голые идеи — сырье хрупкое. В неумелых, равнодушных, грубых руках могут погибнуть самые великие замыслы. Впрочем, работающий вместе с докторами и кандидатами наук мастеровой человек — это не только золотые руки. Еще и светлая голова. Как теоретик он несилен. Зато ему приходится экспериментировать не меньше, а может быть, даже и больше, чем кандидатам и докторам. Его мастерство — непрерывный эксперимент, поскольку повторений в работе почти не бывает.

Так сложилось, что университеты у Федосеева кончились семилеткой. Потом было ремесленное. Потом фронт. Коренной сибиряк, в Академгородок он перебрался из города. В мастерских Института гидродинамики получил токарный станок. И на своем «Красном пролетарии» скоро показал класс: например, придумал приспособление, на котором стал вытачивать полусферы. И не только полусферы — хоть шар точи! Из других институтов приходили срисовывать федосеевский механизм.

Вот какой мастеровой человек закатывал для Лукьянчикова капсюли взрывателей на станке, приводил в божеский вид генератор-искатель, и барабан для подачи зарядов, и еще много чего другого.

4

На заводе с нетерпением ждали, что там получится на институтском лесном полигоне. И едва из бассейна стали извлекать первые годные детали, решено было строить опытную лабораторию на заводе.

Директор завода по должности реалист. У него программа. У него план. Осторожнее было бы с новой лабораторией повременить. Дождаться, пока установку доведут в институте. Минимум неизвестного — это минимум технического риска. Но возможно, что максимум затрат времени. Директор директору рознь. Один близорук, дальше месячного задания ему некогда заглянуть. Другой предвидит, что ждет завод через год, через два, через пять. И готовится к этому загодя, дальновидно работает впрок.

Глеб Алексеевич Ванаг работает на заводе имени Чкалова не первый десяток лет. Начал молодым специалистом, только из института, почти вся инженерская жизнь прошла здесь. На его глазах — и с его участием — рос завод. Инженер Ванаг рос вместе с заводом, был начальником участка, начальником цеха, парторгом. И он очень четко себе представляет, что за срок для завода — год, два и пять лет.

На заводе имени Чкалова у каждого инженера и техника — личный план. Директор не исключение. И в его личном плане записано: изучить то-то и то-то, решить такие-то сдерживающие производство задачи. Новому — толковому, перспективному — открывают на заводе «зеленую улицу».

Десятки исследовательских тем разрабатываются впрок на заводе. Если правилен выбор, если поиск по-настоящему перспективен, то возможные тут просчеты и неудачи — от них не застрахован никто — перекроются удачами наверняка.

А что каждая такая удача обещает заводу, видно хоть на том же примере штамповки взрывом. Расширение технологических возможностей — раз. Облегчение труда рабочих — два. Прямое удешевление производства — три. Экономический эффект — как следствие и как цель технического.

...Отштампованные взрывом детали уже можно было потрогать руками. Штамповка взрывом была перспективна и осуществима. Заманчиво было представить себе будущий цех с автоматизированной подачей заготовок, взрывчатки, с механизированным вывозом готовых деталей,— штамповочный цех, в котором не будет ни одного обычного пресса. Ради того, чтобы такой цех появился скорее, стоило рискнуть. Этот риск был оправдан. Игра стоила свеч. Примерно так рассуждал директор завода Глеб Алексеевич Ванаг, подписывая приказ о новой лаборатории, давая ей «зеленую улицу».

Олицетворяли ее те два инженера-технолога, что пришли в свое время в Институт гидродинамики, два Бориса — Ефанов и Бишев.

Не прошло полугода, как в лаборатории, в специально построенном для нее помещении, уже монтировалось оборудование. Вот что значит «зеленая улица» на заводе.

А вскоре заведующий новой лабораторией Борис Бишев потерял последние остатки покоя. Даже сна лишился. В лабораторию завезли взрывчатку. Всю жизнь человек работал с металлом, а тут на тебе — склад ВВ.

5

— Это для Лукьянчикова они «вторичные», для меня-то они были «первичные»,— смеется Бишев, вспоминая, как изнервничался тогда.

Когда Бишев смеется, очень хочется его поддержать. Заразительно смеется. Сразу видно, что оптимист.

Не будь он оптимистом, ему бы скорее всего не справиться с делом. Надо было параллельно и одновременно строить, монтировать оборудование, доводить технологию, учиться на взрывников.

Раз в неделю у главного инженера завода Василия Степановича Слуева (он с самого начала направлял работу) собиралась оперативка: как дела в новой лаборатории, чем помочь, что мешает.

Время от времени кто-нибудь из слесарей (штат лаборатории рос вместе с нею) приносил Бишеву заявление об уходе. С их квалификацией в любой цех возьмут, а тут работы невпроворот. Верно, в любом цехе слесарям (так же, впрочем, как инженерам) не приходится таскать раствор каменщикам, и рыть котлованы под установки, и учиться на взрывников, и монтировать электропроводку, это все так. Но Бишев клал эти заявления под сукно, и теперь вспоминать о них авторам не очень приятно. Сами знают: он был прав, Бишев. Сочиняли не в светлые минуты.

Светлые наступили потом, когда на своей заводской установке отштамповали первую полноценную деталь. И после было — и еще есть — хоть отбавляй забот. Но детали, а это главное, стали получаться. Весь завод увидал, что затеяно дело не зря. И визитеры зачастили. И вот уже лаборатория получила производственное задание. Хоть небольшое, но задание. Завод есть завод. Раз можешь — давай детали на сборку!

Всего ценнее было признание рабочих-доральщиков, тех, кто вручную доколачивает детали после штамповки на прессах. Штамповка взрывом обещала избавить их от однообразного, утомительного труда. И когда в лаборатории они собственными глазами удостоверились в этом, то поставили вопрос ребром: скорее вводите цех!

6

Мы с Бишевым — у пульта большой установки.

Лукьянчиков остался в другой пультовой, откуда управляют малой и средней. На малой установке — это станок наподобие карусельного полуавтомата — делают малые детали. Побольше штампуют на той, что размером с обычный пресс. Но там все закрыто, в тех установках увидеть можно только заготовку да отштампованную деталь: старт и финиш. Работа совершается в недрах установки.

А здесь штампуют детали что покрупнее. За толстым стеклом пультовой — открытый, как у Лукьянчикова на полигоне, бассейн с водой. Туда опустили матрицу с заготовкой и устройство для автоматической подачи зарядов.

— Ну как там у вас? — раздается из динамика голос Лукьянчикова.

Он остался в другой пультовой, чтобы проследить за генератором.

Бишев наклоняется к микрофону:

— У нас готово.

Он уже включил компрессор, вакуум-насос. Остается повернуть ключ посредине пульта — точно таким же движением, как шофер включает зажигание, и точно такой же ключ.

Голос Лукьянчикова из динамика:

— Контакт!

Голос Бишева в микрофон:

— Есть контакт!

И он делает это движение шофера или пилота ключом.

За стеной ухает. И одновременно — видно через стекло пультовой — над бассейном вздымается к потолку водяной купол. Он растет довольно медленно, настолько, что успеваешь заметить, как он делает это, как вспухает султаном, а потом опадает, почти не расплескиваясь по сторонам.

Сначала и эту установку — тем более эту — для безопасности закрывали. Полутонную крышку каждый раз надо было то снимать, то ставить. Попробовали ее облегчить. И до того облегчили, что ее не стало совсем. Оказалось, не страшно. Оконные стекла терпят, обыкновенные оконные стекла. Даже не дребезжат.

Разумеется, это еще не цех. Но зримый прообраз цеха, того, что строится здесь неподалеку, на заводе.

Того, что все эти годы так явственно рисовался директору завода Ванагу, и главному инженеру Слуеву, и физику Лукьянчикову, и технологу Бишеву.

Того, что нарисован на красочных листах ватмана в комнате Бишева над лабораторией, наверху, — просторный и светлый, а народу почти никого. И не потому, что художники изобразили лишь интерьер. Люди будут не у станков, а у пультов — наподобие этих, лабораторных, но еще более совершенных. И все это, надо заметить, не только разумно, еще и красиво: вместе с инженерами над проектом трудились специалисты по технической эстетике.

И все это, можно думать, только начало. Новая технология покажет себя и в других отраслях промышленности.

...Мы выходим из пультовой, когда над бассейном повисла извлеченная из воды полуметровая деталь. И возле нее, осматривая ее и пощелкивая по ней, встречаемся с Лукьянчиковым.

— Хотите еще раз?

Опять расходимся в разные пультовые, и опять из динамика раздается:

— Контакт!

Это голосом Лукьянчикова говорит Академгородок.

— Есть контакт!

Это голосом Бишева отвечает завод.

НЕПРОТОРЕННОЙ ДОРОГОЙ

После долгих скитаний на родные места, к берегам Иссык-Куля, возвратилась рано овдовевшая женщина с малыми детьми. Остановившись на перевале, она «расплакалась и, упав ничком, обнимала и целовала землю. Затем, со слезами на глазах, излила в чудесной песне всю горечь, испытанную на чужбине, всю тоску по родине».

«Как зелена и красива наша земля! — пела мать.— Там вон серебрится наше большое озеро!..»

Шестилетний мальчик, затаив дыхание, слушал мягкий напев и мечтал поскорей вырасти и тоже научиться складывать песни. «Буду петь,— думал он,— буду прославлять родной край!»

Мечта его стала явью: через двенадцать лет в газете «Юный ленинец» в городе Фрунзе было напечатано первое стихотворение Тугельбая Сыдыкбекова, и тогда же был им задуман роман о коллективизации в Киргизии, «Широкое течение», увидевший свет в 1937—1938 годах. В один из первых киргизских колхозов пытаются проникнуть бывшие баи и кулаки, чтобы подчинить своему влиянию молодых крестьян. Вспыхивает ожесточенная, непримиримая классовая борьба, и основную роль в ней играют комсомольцы, бедняцкие дети.

Изображенные в романе события не ограничены рамками одного аила: перед читателем в зримых образах, в глубоких обобщениях встает жизнь всего киргизского народа в переломный момент ее истории. Символично название романа: широкое течение новой жизни сметает остатки эксплуататорских классов.

Первое прозаическое произведение молодого писателя (до этого вышло несколько сборников его стихов) было значительным явлением в развитии киргизской советской литературы, заложившим в ней начало социального реалистического романа. «Это была нелегкая прогулка по непроторенной дороге»,— писал впоследствии Сыдыкбеков, вспоминая историю создания «Широкого течения».

Периоду коллективизации посвящен и второй роман Сыдыкбекова — «Темир» (1940),— названный по имени главного героя, возглавившего борьбу против басмачей. Романтические черты героя народного эпоса, присущие образу Темира, не противоречат жизненности, достоверности характера этого убежденного солдата революции. Напротив, в этом сочетании — подлинное новаторство автора, свидетельство его возрастающего мастерства.

Третий роман Т. Сыдыкбекова — «Люди наших дней» — рассказывает о героическом, самоотверженном труде киргизского народа в годы Великой Отечественной войны. Одна из ведущих тем этого произведения — нерушимая дружба народов Советской страны, их сплоченность, их непреклонная решимость вместе, плечом к плечу отстоять свою Родину от вражеского нашествия. Герои романа принадлежат к разным поколениям, обладают яркими индивидуальными чертами, но всех их роднит понимание неотделимости своей судьбы от судьбы советского народа, осознание колхозного строя как единственно правильного, жизненно необходимого, стремление сделать как можно больше для победы.

Выдающееся произведение киргизской прозы — роман «Люди наших дней» — удостоено в 1949 году Государственной премии, переведено на двадцать языков в нашей стране и за рубежом.

Скоро в русском переводе появятся две книги трилогии Т. Сыдыкбекова «Женщины» (первая часть трилогии вышла в Киргизии в 1962 году) — широкомасштабного эпического повествования, раскрывающего исторические судьбы киргизского народа.

Зачинателю нового жанра в родной литературе, автору множества книг для детей — поэм, сказок, легенд,— воспитателю молодых талантов, народному писателю Киргизии Тугельбаю Сыдыкбекову исполнилось шестьдесят лет. Его творческие силы в расцвете, и хочется от души пожелать ему еще долгих-долгих лет плодотворного труда.

Н. ЦВЕТКОВА

С творчеством Николая Яковлевича Москвина широкий читатель познакомился еще в 20-х годах. Его романы «Маска», «Гибель реального», повести «Чай», «След человека», «Лето летающих», «Два долгих дня» и другие книги — это прежде всего неутомимый и неуклонный поиск человечности. Рассказ «Проходит время» Н. Москвин написал в 1968 году, незадолго до смерти. Рассказ публикуется впервые.

Николай МОСКВИН

РАССКАЗ

Рисунок И. УШАКОВА.

ПРОХОДИТ ВРЕМЯ

1

Леонид Львович Луков по своей природе был флегматик. И очень полно, отчетливо выраженный — совсем как по Гиппократу, который двадцать пять веков тому назад, разделив все человечество на четыре вида темпераментов, отвел флегматику жизнь медлительную, уравновешенную, спокойную. Его трудно вывести из себя, взбудоражить, трудно заставить делать что-то неожиданное, он не может, не способен сильно чувствовать...

И верно: жизнь у сорокалетнего Лукова шла спокойная; работа в конструкторском бюро протекала ровно, безмятежно; житейские горе-радости не очень задевали его; чувства медленно возникали в нем и так как были не сильны, вялы, то незаметно и проходили. К людям он не испытывал больших привязанностей, не входил в превратности их судьбы, в их переживания.

Бедную, скудную жизнь отвел Гиппократ этому своему флегматику. И так, согласно древнему установлению, он жил бы да жил, но...

...Однажды летом, выкроив из отпуска несколько дней, Луков поехал в родной город Р. Он покинул его давно, наезжал сюда студентом, потом инженером, а после смерти матери — отец умер раньше — он не был тут лет десять.

Приехав, обошел все заветные места, побывал в городском парке, побродил по улицам. Во всем, как водится, были перемены. Дом, в котором он когда-то жил с родителями, покрасили новой краской; школа показалась ниже, чем была; улицы — короче; переулки — теснее. Один только парк разросся. Да еще, конечно, появились новые многоэтажные дома.

И так получилось, что за один день он, в сущности, все обошел. Да, все... Город родной, а родных и знакомых не было. Предстоял скучный вечер в номере гостиницы. Присел на бульварную скамейку, раздумывая, что бы такое предпринять. Был на примете кинотеатр «Рекорд», куда бегал еще мальчишкой, но там шла уже виденная картина...

В стороне, за бульваром, горели оранжевым закатным светом стекла высокого дома, которого в его бытность не было. Погодите, а что же на его месте раньше было? Нефтелавка и какой-то забор? Нет, это на Проезжей улице было, а тут что-то бурое, длинное... Еще там собака... Да, помнит, забавная собака была! От скуки просовывала морду под низкие ворота и так, лежа на животе, вращая глазами, наблюдала быстротекущую жизнь улицы. Идти мимо можно было смело: вылезти из этой тесной щели собака не могла.

— Я вот на вас смотрю и смотрю...— услышал Луков голос рядом с собой. На конце скамейки сидела пожилая женщина в темном платочке и смущенно-веселыми глазами пристально разглядывала его.— А ведь вы, наверно, сынок Льва Сергеевича и Таисии Матвеевны? Леней... Леонидом Львовичем вас зовут?

— Да... верно. А откуда... почему?

Женщина укоризненно покачала головой и улыбнулась, прикрыв рот рукой.

— Не узнаете? Вижу, что не узнаете!— сказала она, уже радуясь, что сейчас вот-вот поразит его.— Так я к вам домашней портнихой ходила! Тетя Глаша я...

Ах, господи! Ну, конечно, это тетя Глаша! Она и тогда казалась пожилой. Но была румяной, а сейчас посерела... Ну еще бы, столько лет прошло! Да, домашней портнихой, вроде теперешнего бытового обслуживания. Маме и сестре Любочке платья, фартуки, починка белья... А выпускной вечер в школе? Накануне на вечеринке настолько располосовал о гвоздь брюки от нового костюма, что хоть бросай их и не иди на выпуск. Но тетя Глаша так заштуковала прореху, что и не найти было...

С этого портняжного фокуса и начался разговор — сам бывший выпускник это напомнил.

— Ничего там удивительного не было,— кокетливо поводя выцветшими глазами, довольная за похвалу, проговорила тетя Глаша.— На мое счастье, как сейчас помню, рисуночек на ваших брюках был... В легкую полосочку шел. В этом все дело! А будь материя ровная, гладкая, никакой незаметности у меня и не вышло бы. Как ни старайся!..

2

Вспоминали из того времени то одно, то другое. Забытые подробности юности какое-то время занимали Лукова, но потом тетя Глаша начала словоохотливо повествовать про какую-то неведомую ему Прасковью Тихоновну, про какие-то чужие размолвки, чужие свадьбы, чужие пустяки. Началось то самое, что он не любил в женщинах: сочувствие, переживание каких-то мелких случаев из чужой жизни.

Но вот разговор опять вернулся к их дому. Тетя Глаша заговорила об его матери — Таисии Матвеевне. И тут Луков почувствовал какую-то сдержанность, сухость... Да, мать была строга, эгоистична. Казалось, она могла прожить без людей — сама по себе. Когда же речь зашла об отце, то морщины на лице тети Глаши разгладились, она както посветлела. И верно, отца все любили.

...Был он приветлив, весел, гостеприимен. Несмотря на то, что в то время многие работники учреждений жили как бы вверх ногами — ночью работали, а днем отсыпались,— отец всегда поспевал к гостям. Еще с порога, как хороший метрдотель, он окидывал взглядом приготовленный стол и сразу замечал, что забыли поставить, что поставили не так.

В отличие от тех хозяев-говорунов, которые целый вечер сами рассказывают да еще придерживают соседей за рукав, дабы те внимательнее их слушали, отец незаметно подзадоривал на разговор гостей. И те уходили домой довольные вечером, гостеприимным домом, другой раз и не догадываясь, что причиной этого было то внимание, которое вызвал их рассказ за столом.

Иногда, уже при разъезде гостей, по телефонному вызову отец снова отправлялся на работу. Без хмури на лице, без досады, по-прежнему весело, добродушно. «Ну, вот и хорошо,— говорил он в прихожей гостям,— я вас, кстати, и провожу!»

— Да-а... представительный был мужчина! — сказала тетя Глаша, когда они вместе вспомнили добрый, живой характер отца.

В глазах ее, окруженных мелкими морщинами, появилась какая-то веселая хитринка. Она вскинула взгляд на Лукова, отвела его и опять вскинула, будто желая и не решаясь что-то сказать.

— Ну что же... вы теперь человек совсем взрослый...— начала она, видимо, решившись.— Сами, небось, знаете, как мужчины жадны до женского пола... Но только это было не то...— Она посерьезнела, со значительным видом поджала бледные губы, как бы смотря на нечто возвышенное, благородное, которое сейчас предстало перед ней.— Нет, совсем не то! Это была отчаянная любовь... Хотя тихая, никому не заметная, но отчаянная. Сурьезная...

* * *

И Леонид Львович Луков спустя чуть не двадцать лет узнал о тайной отцовской любви к некоей Ксении Климентьевне Фокиной. Она бы и для Лукова осталась скрытой, если бы в тот мучительный день, когда все рухнуло и женщина в поисках сочувствия, успокоения, в поисках хоть какой-нибудь родной души не рассказала тете Глаше, которая иногда тоже работала у нее приходящей портнихой, всю эту историю.

Чувство было большое, настоящее — время свиданий пролетало быстро; разлучась,

считали часы, когда снова увидятся, снова вместе... А почему же не быть всегда вместе? Нет, Ксения Климентьевна первая не соглашалась: что за жизнь, если где-то оставленная семья... И тайное продолжалось.

Но, как каждое скрытое, несвободное действие, оно было окружено тревогами, опасениями: вот-вот откроется... А это изощряло ум: как увидеться, когда он чуть не целый день на работе, а она в поликлинике — то занята днем, то вечером, то на ночном дежурстве... Но нужда разум острит, и люди неизобретательные, нехитрые, неловкие все же находили свое счастливое время. Немало помогала та самая жизнь вверх ногами: вместо ночного бдения в управлении или вместо того, чтобы после этого бдения отсыпаться днем дома, он ехал к ней...

Но секреты не вечны. И хотя отец попрежнему был дома хорош, добр, внимателен, вдруг замельтешилась, забеспокоила мелочь. Из мелочей — мелочь: голубые нитки... Мать нашла на голубой рубашке отца прожженную, видимо, папиросой, крошечную дырочку, искусно заштопанную голубыми нитками (тетя Глаша со знанием дела, с любовью описала эту штопку, хотя она знала о ней только со слов той, которая ее делала). Голубых ниток в доме не было, тетя же Глаша в это время уже не ходила портняжить к Луковым, откуда это?

Между голубыми нитками и разговором у парторга в управлении прошло совсем мало времени, ибо мать начала поиск энергично, рьяно. Через верное лицо было установлено, что ночное служебное высиживание обычно оканчивалось не так поздно. А другой раз и вообще его не было. Особое впечатление произвела трехдневная служебная командировка, о которой было известно дома, но — увы!— не было известно на службе... Перед ревнивым взором сразу предстала какая-то чужая комната, где он утром, перед уходом на работу, завтракал. Довольный, счастливый... Увиделось все; все: белоснежная скатерть, блеск посуды, заботливая рука, накладывающая на тарелку, улыбка...

Да, до всего мать дошла, до всего дознаꞏлась, а что не узнала, то представила. Кроме одного — имени разлучницы. Тут отец встал стеной, все взял на себя.

Но и этого было достаточно, чтобы просить приема у парторга. И он состоялся. Мать не пожалела красок. Деспотичная, она не могла и допустить, что кто-то живущий, так сказать, под ее началом мог кого-то полюбить. Там, на работе отца, оглушенные ее гневом, только поддакивали.

Потом состоялся другой разговор: наступала общественность, а слушал отец. Было сказано все, что полагается, в том числе, конечно, упоминание о «крепкой советской семье»... И все кончилось.

— Да почему же, тетя Глаша, кончилось? — Не отдавая еще себе отчета, Луков был сейчас на стороне отца.

— А потому, что обещание, слово дал! Так мне Ксения Климентьевна сказала... Не мог нарушить.

— Ну, разошелся бы...— Луков сказал неуверенно, будто против чего-то непреклонного, нерушимого, как бы против себя.

У тети Глаши был скорбный вид, ибо по доброй своей душе она сочувствовала любому горю, но вместе с тем сквозь скорбь проглядывало сейчас довольство, удовлетворение тем, что собеседник, который начал ее слушать не очень прилежно и не оценил жизнеописание Прасковьи Тихоновны, теперь же, когда дело коснулось отца, матери и возлюбленной, весь оживился, весь подобрался, не пропускал ни одного слова.

— Вам хорошо говорить «разошлись бы»!— наставительно покачав головой, сказала она.— Вы уже в Москве были взрослым человеком, а Любочке только одиннадцатый год шел... А главное, милый Леня, даже не это! Мамаша ваша Таисия Матвеевна уже не наливное яблочко была, уже в хороших годах. Кто бы ее в таком уставшем виде снова замуж взял? Вот что папашу вашего останавливало...

Слушая, Луков смотрел на окна высокого дома, стоящего за бульваром. Верхние окна его отражали оранжевый закатный свет, а в некоторых из них зажглись уже свои, уже комнатные оранжево-абажурные огни...

3

...И был еще день в родном городе. Следующий за тетей Глашей день. Луков сидел за чайным столом у Ксении Климентьевны Фокиной. Уже прошло первое смущение, уже сказано: «Как вы похожи на Льва Сергеевича!» — уже спрошено: «Какие перемены нашли в городе?» Об этом и начали говорить, вспоминая, где и как помолодели старые улицы и переулки.

Перед Луковым сидела сероглазая, с открытым лбом женщина лет за пятьдесят, но, как многие горожанки, выглядевшая намного моложе своих лет. Черты ее были мягки, маловыразительны, но когда Фокина говорила, в глазах ее появлялся блеск, лицо оживлялось, становилось привлекательным. Волосы с сединой шли к ней, но, видимо, гость застал ее врасплох, и она время от времени поправляла какую-то прядь.

...Сегодня ночью, вспоминая услышанное от тети Глаши, Луков представлял эту женщину и такой и этакой — и красивой и необыкновенной. Сейчас понял, что все это пустяки — главным было то высокое, прекрасное, что соединяло ее и отца.

— У нас очень странная застройка,— меж тем говорила Ксения Климентьевна негромким, неторопливым голосом.— В центре города много старых одноэтажных домов, встречаются даже пустыри, а новые высокие дома почему-то строят вокруг города, на окраине... Прежний город теперь лежит как бы на дне чаши. А то и еще смешнее: новые дома за городом, в чистом поле.

— Это и у нас бывает,— заметил Луков.— Какие-то высшие соображения... А пока что водопровод, газ, телефон, дороги надо тянуть к новым домам на много километров.

Она сказала, что из-за этих длинных до-

рог у них в поликлинике врачи опаздывают на работу. Он согласился с этим, приведя такие же случаи и в своем конструкторском бюро. Она сказала, что последнее время, слава богу, взялись за центр, за старый город. Он подтвердил, что и в Москве то же...

Конечно, этот разговор о градостроительстве не очень их увлекал сейчас, но в нем было то согласие, единомыслие, которое делает всякий разговор приятным, легким и понятным с полуслова. Луков посмотрел на собеседницу и подумал: вот, наверно, и отцу тоже легко было... Да и вообще легко, хорошо было ему здесь.

Да, здесь... Луков говорил, поддерживал беззаботный разговор, испытывая вместе с тем странное, какое-то темное — не то радостное, не то мучительное — чувство: ведь в этой комнате бывал отец! Он видел этот шкаф, этот сервант, отражался в этом зеркале... Да что там, сидел вот за этим столом. Пил чай вот из этого же, что и он, стакана!.. Посуда ведь долго живет: у них в доме, помнит, была бабушкина еще чашка... Да, отец был тут...

Вчерашнее перед тетей Глашей удивление: «Да почему же кончилось?» — снова вернулось к нему, и он снова был на стороне отца, на стороне любящих. Он знал — так люди установили, — что этого н е д о л ж н о было быть, а значит, и он — сын этого отца — н е д о л ж е н был чувствовать того, что сейчас чувствовал... Но не мог... нет, не мог. По душе была твердость и доброта отца, и одновременно подступала жалость, острая до слез.

Разговор меж тем переходил с новых кинокартин на новые книги, со служебных случаев — на летние отпуска... Но вот — наверно, невольно — что-то поближе.

— Любочка, вероятно, уже давно замужем? — спросила Ксения Климентьевна, поправляя прядку волос.— Как она?

— Да, замужем... И, кажется, удачно. Работает по химии. Нравится.— И, сам не зная зачем, спросил:— Вы ее знали?

Лицо Фокиной как бы остановилось. Она пристально посмотрела на гостя. Грустно улыбнулась.

— Издали видела... Знать ее я не могла. У нас ведь были... такие отношения...

Он не знал, что сказать. Отводить разговор на постороннее уже нельзя было. Он смотрел на нее, она — на него... Он опять вспомнил отца — его нет, и ничего не вернешь, н и ч е г о... И мучительная жалость, что такое большое, светлое должно было уйти из жизни отца, охватила его. Губы у Лукова вдруг задрожали, он стал смотреть в пол. Женщина тоже отвернулась.

Боясь не совладать с собой, он встал и пошел к окну. Какие-то кусты внизу, какой-то сарайчик с открытой дверью, белая собака...

— Я знаю все! — вдруг сказал Луков, смотря в окно, но уже не различая там ни сарайчика, ни собаки.— Тетя Глаша не только дала ваш адрес, но и рассказала все.

За спиной услышал вздох, потом голос — какой-то другой, высокий, вздрагивающий:

— Ах, всего, кроме меня, никто не знает! — И помедлив, будто через силу:— Разорвать, кончить трудно... Но потом было еще труднее. Много труднее. Все это надо пережить...

Луков резко повернулся, подошел, взял со скатерти ее прохладную руку, в которой уже был зажат платок, и поцеловал.

— Как же так! Как же так! — приговаривал он, не выпуская ее руку и уже не стыдясь слез.— Вот жизнь! Сколько всего... И мы ее хозяева. Но как трудно порой быть человеком...

...Потом они сидели за столом, и она рассказывала об отце, о себе. По ее блестевшим глазам, по румянцу, проступившему на висках, было видно, что минувшее и сейчас еще живет и греет.

Слушая ее, он чувствовал — еще безотчетно — что-то новое в себе, неожиданное для него... Кто знает, будь тут Гиппократ, он, может быть, удивился бы, что этот его подопечный не так уж обделен, не так уж беден душой: вот чужая судьба, чужая горькая любовь и до него дошла...

«НЕТ» РАВНОДУШИЮ

Они познакомились на юге. Антон, геолог, приехал отдыхать, Антонина работала физруком на санаторном пляже. И случилось так, что она полюбила его. Уверенно входил он в ее дом, и она ждала, когда же он скажет ей самые нужные слова, но так и не дождалась. Окончился срок путевки, и он уехал. И вот встреча — на том же самом пляже, много лет спустя. Он ее вначале не узнал, потом вспомнил о том, что было. И вдруг «подумал о прожитых годах, о нескончаемых ошибках, о жизни, которая могла сложиться совсем не так, иначе, лучше, умнее... Впервые он словно бы ощутил на себе тяжесть чужой жизни, со всеми ее печалями, заботами, радостями, и впервые осознал весомость своих поступков, потому что каждый человек, кто бы он ни был, должен отвечать за другого так же, как и за самого себя, а иной раз, может быть, даже еще больше».

О том, как губительно равнодушие, как калечит оно судьбы,— многие рассказы из новой книги Людмилы Уваровой «Мытная улица». Антонина («Тысячи тысяч лет»), сильная, выносливая, оказалась перед равнодушием совсем беззащитной. Она и представить себе не могла, что ее Антон может оказаться таким безжалостным, бессердечным. Людмила Уварова, которую читатели знают как вдумчивого наблюдателя, умеющего тонко раскрыть взаимоотношения самых разных людей, в своей новой книге исследует природу равнодушия, его истоки.

Десятиклассница Вика («Моя сестра Оля») только еще на пороге самостоятельности. Отец от них ушел, мать и отчим, как ей кажется, настоящие сухари, предельно скупые на всякое проявление чувств. И вот она едет к отцу в Углич знакомиться с его новой семьей. Там, казалось бы, совсем другая обстановка, но случайно она узнает, что отец собирается бросить и вторую семью. И дочери вдруг стало ясно то, что она не понимала раньше: «...Его ласковость, милые слова, приветливая обходительность не таили за собой ничего другого, кроме одного — любви к самому себе... Он бездумно произносил ласковые слова, бездумно рассыпал улыбки лишь потому, что никого, решительно никого не любил. Лишь одного себя...» Снова тупое равнодушие, замаскированное обворожительной улыбкой и оттого еще более страшное и омерзительное.

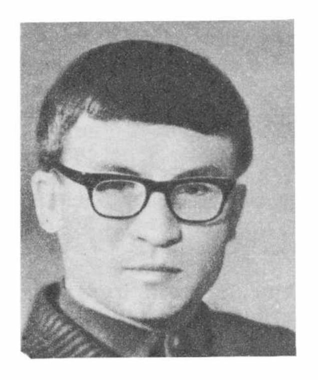
Людмиле Уваровой больше по душе внешне незатейливые сюжеты, неторопливый, обстоятельный рассказ со множеством удивительно метко подмеченных деталей. Она добивается, чтобы о ее героях судили не по первому впечатлению, а присмотрелись к ним внимательнее. Она не заявляет открыто о своих симпатиях и антипатиях, приглашает читателя разобраться, кто есть кто. Ситуации в ее рассказах порой самые прозаичные, в которых, казалось бы, трудно проявиться человеческим характерам. И тем не менее писательнице удается выпукло, объемно показать своих героев.

У ряда рассказов Уваровой грустные концовки. Но что сделаешь, если в судьбы ее героев навеки вплелась война?! Не может доктор («Старый доктор») вернуть погибшего сына. В памяти женщины («На один день позднее») навсегда остался ее любимый, не успевший даже стать зрелым человеком. Опалена войной жизнь героев «Мытной улицы», «Будет музыка...», «Петуха на балконе», «Синего созвездья Близнецов». Да, в книге много грусти. Но это светлая грусть. Главные герои книги — настоящие советские люди. Они много пережили, но выстояли, стали еще крепче, сильнее. И они дают бой мещанству, серости, равнодушию — всему тому, что мешает жить.

М. ХОДАКОВ

Людмила Уварова. Мытная улица. «Советский писатель», 1971.

ИЗ КРИТИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА ПОЭТА

Аян НЫСАНАЛИН

Советская поэзия вот уже более полувека достойно выполняет свою ответственную и благородную миссию — служить прекрасным идеалам человечества. Гармонически сочетая в себе эстетические, нравственные ценности прошлого и настоящего, развивая передовые национально-поэтические традиции народов нашей страны, ныне она в своем вдохновенном интернациональном пафосе с еще большей поэтической силой выражает духовную жизнь единого советского народа, этой великой и новой исторической общности людей. Несомненно, социальное звучание поэзии стало сегодня еще более ощутимым, гражданский и нравственный критерий ее — более высоким, идейно-эстетическое качество заметно усложнилось. Волна эстрадных успехов, наделавшая лет пять-шесть назад немало шума, вызвала лишь некоторое любопытство. Теперь наша многонациональная поэзия, словно гигантская полноводная река, обрела спокойное и глубинное течение, вбирающее множество больших и малых притоков, прозрачно-чистых, звонких ручейков. И поэтому так необъятен и велик он, наш поэтический океан,— от берегов Тихого до Балтики, от священных невских до ослепительно солнечных Черного моря. Много параллелей и меридианов, разнообразных географических поясов лежит в этом огромном пространстве, наполненном многоязыкой и многокрасочной поэзией.

У древа единой советской поэзии есть могучие и глубокие корни, питающиеся живительными соками взаимовлияния и взаимообогащения. Если мы и до этого с радостью говорили о бесчисленных фактах единения и кровного родства наших братских литератур, то теперь, в год полувекового юбилея образования СССР, у всех нас возникает естественное желание сказать об этом в полную силу голоса, ибо современная наша поэзия — как единое дыхание одного жизнелюбивого организма.

Современный казахский двуязычный читатель наряду с национальными поэтами, такими, например, как А. Тажибаев и С. Мауленов, не представляет себя без созвездия поэтических имен — русского А. Твардовского, литовца Э. Межелайтиса, аварца Р. Гамза-

ГОРДОЕ ЧУВСТВО РОДИНЫ

това, башкира М. Карима, балкарца К. Кулиева, калмыка Д. Кугультинова... А сколько за ними стоит еще прекрасных советских поэтов разных республик — поэтов старшего и младшего поколений!

И уж коли речь зашла о литературных поколениях, то сегодня есть возможность и причины поговорить всерьез о наших молодых поэтах, унаследовавших все лучшее, что было и есть в художественном опыте советской литературы. Молодое поэтическое поколение заслуживает большого принципиального разговора, ибо оно доказало своим творчеством глубинную приверженность к серьезным вопросам сегодняшнего изменчивого и сложного мира, оно в судьбе родного народа видит источник и содержание своего творчества.

В нашей литературной периодике нет-нет да и прозвучат тревожные нотки, будто поэзии грозит некая девальвация. Видно, это происходит оттого, что мы не всегда замечаем, как растет и мужает многонациональное поэтическое «младое племя», как исподволь оно наполняет и освежает полноводный, всегда обновляющийся поток отечественной поэзии.

Содружество наших народов, заложенное Великой Октябрьской революцией, кровью скрепленное в гражданской и Отечественной войнах, упроченное в совместном труде, явилось той плодоносной почвой, на которой стало возможным расти крепнущему единению наших национальных культур.

Входи мне в душу,
Словно в добрый дом,
Где всем
С тобой
Готовы поделиться...—

приглашает молодой талантливый казахский поэт Туманбай Молдагалиев. И вы верите этому добросердечному, гостеприимному призыву: так брат приглашает брата войти в свой дом.

Или вот послушайте его литовского коллегу по перу Антанаса Дрилингу:

Пусть в сердце мое открытое
Входит во цвете лет
Неумолкающий гром
Плотин, рождающих свет!
. . . .

Всюду — от края до края —
Вижу страну в движенье,
Пульс ее звонкий слушаю —
Здоровое сердцебиенье!

Поэтический голос Дрилинги, зовущий слушать пульс времени, крепок и полон внутреннего горячего чувства.

Казаху и литовцу вторит с берегов древнего Хазара — Каспия их поэтический сверстник азербайджанец Фикрет Годжа, в поэзии которого есть немало подлинных творческих удач, увенчавших энергичные художественные поиски.

Я прохожу,
большой и понимающий,
от Тихого
и до балтийских рек.
И каждому
я становлюсь товарищем,
долбящим камень,
землю поднимающим,—
сестра и брат мне
каждый человек.

Эту знаменательную эстафету братства подхватывает удмуртский поэт Флор Васильев:

Взгляните-ка на Землю нашу, люди:
она не зря покоится надежно,
покоится, как яблоко на блюде
или как плод
на чуть склоненной ветке,
на крепких человеческих плечах.

Творчество этих—и многих-многих других! — весьма разных поэтов сближает и объединяет родственное социальное чувство, ощущение ответственности перед прошлым, настоящим и будущим. В их голосах, как нетрудно заметить, нет камерности, напротив, их лира настроена на звуки большого мира, и, конечно же, хорошо, что наши молодые литераторы не ограничиваются, не стягивают себя узким кругом личного, а рвутся на всенародный простор, обогащая поэзию жизнеутверждающими идеями. В этом они видят свой нравственный долг художника, направление творческих поисков, и это в значительной степени определяет характер их отношений к слову и мысли, заключенной в нем. Тогда лишь становится действенным и оправданным формотворчество, когда за ним стоит серьезный идейно-художественный потенциал.

Наше время все больше выдвигает писателей, пишущих на двух языках: на родном и русском или другом языке. В Казахстане, например, где ныне живет около семидесяти национальностей, есть талантливые литераторы, пишущие на втором своем языке — казахском: так, русская Надежда Лушникова на языке Абая выпустила два сборника стихов, за которые удостоена республиканской премии комсомола, немец Герольд Бельгер пишет на казахском, русском и немецком языках. Я уж не говорю о таких известных писателях, пишущих на русском языке, как киргиз Ч. Айтматов, казах А. Алимжанов, молдаванин И. Друцэ, чукча Ю. Рытхэу, о литераторах, заметно и прочно заявивших себя в русской словесности сравнительно недавно, таких, как казах Олжас Сулейменов, абхазец Фазиль Искандер, манси Юван Шесталов, эстонец Арво Метс. Это в высшей степени интернациональное и отрадное явление стало возможным потому, что в условиях нашего социалистического общества процесс сближения наций, их взаимопроникновения захватывает все области материальной и духовной жизни.

Безусловно, русская классическая поэзия, еще более обогащенная в советское время, оказала и до сих пор оказывает огромное влияние на развитие и формирование многих — особенно молодых — национальных поэтических школ, в том числе и казахской. Она и сейчас сохраняет свое старшинство в созвездии братских литератур народов СССР, и обогащающее влияние ее не прекращается в наши дни.

Именно благодаря русскому языку и русской культуре происходило наше знакомство с поэтами разных наций и народностей. «Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» позволил всем нам следить за движением единой советской культуры, а также осваивать мировое художественное богатство. При этом он, язык братского русского народа, становясь инструментом межнационального общения, не сглаживает и тем более не устраняет национальное своеобразие, особенно в области подлинного литературного творчества, где находит свое выражение душа народная.

...126 лет назад, находясь в ссылке в казахской степи, один из участников политического движения Польши, Адольф Янушкевич, писал своему другу поэту Густаву Зелинскому: «Несколько дней тому назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда и не слышали о Демосфене и Цицероне; а сегодня передо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами, ибо песни их так много говорят моей душе и сердцу. И это дикие варвары? И это народ, которому вовек предназначено быть только никчемными пастухами, лишенными всякого иного будущего?! О нет! Воистину! Народ, который одарен... такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в киргизские (то есть казахские.— А. Н.) пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз...»

Прозорливость ли это? Наверное, да. Польский гражданин, удивленно увидевший луч света сквозь царство тьмы, верно уловил дух и чаяния народа. Теперешние поколения когда-то «кочующих номадов» иначе смотрят на мир. Двадцатый век, озаренный и поднятый ленинскими идеями, определил казахскому народу счастливую судьбу. Ныне, например, поэту Олжасу Сулейменову выпало большое счастье петь на русском языке не только о «Поле диком», но и о «Хлебном поле». Он смотрит на мир с высоты цивилизации, смотрит, естественно, иначе, чем его деды:

Кочую по черно-белому свету,
Мне дом двухэтажный построить советуют,
А я, как удастся какая оказия,
Мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям.

Его лирический герой идет по земле не как путешественник-паломник, подобный байроновскому Чайльд-Гарольду,— ему «до всего есть дело». Большой мир — в этом есть своя поэтическая гипербола — без него как бы не существует. Никогда не покидает его ощущение сопричастности, ответственности за все происходящее в неограниченных пределах пытливого внимания.

Кружись, айналайн, Земля моя!
Как никто,
Я сегодня тебя понимаю,
Все болезни твои
на себя принимаю,
Я кочую, кружусь по дорогам твоим...

Душевное беспокойство, постоянное стремление к горной чистоте воздуха и теплу солнца, к красоте природы и к щедрой красоте людской — одним словом, тяга к прекрасному, как правило, озарена в поэзии Олжаса Сулейменова ярким пламенем гражданственности. Он поэт социально активного действия, воспитанный на мировой и прежде всего — русской культуре. Но за ним стоит и многовековая, неповторимая культура казахского народа, накопленная за века по золотым крупицам. Хотя поэт прекрасно пользуется выразительными средствами классического и современного русского стиха, в его творчестве, поэтическом почерке нетрудно заметить национальные истоки, например, махамбетовскую литературную традицию. Пламенный поэт-бунтарь Махамбет Утемисов, один из вожаков восстания казахов в 1837—1838 годах против царского самодержавия и местных феодалов, оказал на поэтику Сулейменова заметное и плодотворное влияние.

Поэзию Олжаса Сулейменова по праву можно считать своеобразным и значительным явлением в советской казахской литературе. Если современная казахская поэзия быстро преодолела барьер фольклорного многословия, патетической риторики, то, конечно, в этом немалая заслуга и молодых, в первую очередь Олжаса Сулейменова. Острые перепады времени — далекая история и жгучая современность — органически свойственны многим талантливым стихам поэта. Неожиданный рывок на тысячу лет назад, в далекую седую древность, реально начинающую вдруг проступать в эффектных поэтических образах, естественно, не вызывая недоумения, соседствует с чутким откликом на актуальные проблемы наших дней. Поэтому закономерно, что перу Олжаса Сулейменова принадлежит одна из первых наших поэм о полете человека в космос. Поэма «Земля, поклонись Человеку», каждая строка которой овеяна любовью к советскому человеку, полна раздумья о наших современниках, была написана по свежим следам первого звездного рейса. В ней тоже дальняя история живо и остро соединилась со сказочной современностью.

Я влюблен в Красоту.
Я мечтал о ней сотни веков,
Пришивался к кресту,
Возносил и сносил богов,
Я создал эти реки
И ветер швырнул в моря,
Ты, Земля,
Поклонись Человеку.
Твой бог —
Я.

Теперь вспомните строки раннего В. В. Маяковского:

Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

Не это ли знаменательная перекличка двух советских поэтов через многие десятилетия?

Сулейменов — поэт не полутонов, а контрастов. Черное и белое много раз повторяется в его стихах не случайно, подобно горю и счастью, тени и свету, соседствующим в жизни. И все же главное в его творчестве, на мой взгляд,— это восхищение мужеством гражданина нашего Отечества, увлечение стремительным течением жизни, героико-романтическим деянием. В этом есть определенное своеобразие поэзии Олжаса Сулейменова.

С этих позиций немалый интерес вызывает поэтическая биография молодого талантливого эстонского поэта Пауля-Эрика Руммо. Так, например, в одном из удачных своих стихотворений, обращаясь к революционной истории, он смело сравнивает лирического героя с парижскими коммунарами. Этим, помимо прочего, достигается особый накал поэтического чувства, импульсом которого стала гражданская, революционная страсть.

Красный берет натяну набекрень,
Заберусь на заводскую трубу,
И мы
будем
гудеть
вместе,
Чтобы приветствовать тебя
В этот день,
Жан-пролетар,
Когда твой дед,
Жан-пролетар,
Скашивал
молотом
раскаленным
Ржавые монументы
Для баррикад,
Для баррикад!

Поэт романтического склада, Пауль-Эрик Руммо ведет серьезный, «земной», если хотите, насущный разговор со своим собеседником. «Разве мы не осколки огромной весенней радуги! Что-то меж нами общее, общее что-то... Иду по весеннему городу, несу в уголке сердца зеленекий огонек. Люди, такси свободно,— покатим встречать Весну!» Он дает каждому стиху философскую множественную значимость, наполняет и высветляет его большим собственным чувством.

Представитель другого литературного отряда, узбек Абдулла Арипов, особенно успешно разрабатывает добрые поэтические традиции своего народа. Однако это не мешает ему, а, напротив, помогает видеть современный мир свежо, воспринимать его тонко, быть чутким к социально-гражданским интересам действительности. И опять же, как у других его литературных сверстников, нужно отметить в поэзии Арипова слитность мира чувств лирического героя и автора, а отсюда — особую эмоциональную приподнятость, насыщенность и искренность пафоса.

Но верю я, что мир и справедливость
Когда-то в каждом расцветут краю,
И чтоб быстрее это совершилось,
Возьми, моя планета, жизнь мою!

Я жив твоей тревогой, болью, страстью,
И мне не надо в жизни ничего.
Пусть никогда твое не меркнет счастье,
Неотделимое от моего!

Абдулла Арипов, как и те поэты, о которых уже говорилось, тоже сокровенно чувствует золотую неразрывную связь времен: «Мне чьи-то слезы слышатся вдали, и не пойму я, что же это значит — то ль горестно рыдает Навои, то ль весельчак Хайям сегодня плачет».

Здесь следует сказать, что названные молодые поэты историческую ретроспективу и перспективу используют, как видим, для того, чтобы с еще большей силой подчеркнуть, выделить в своей поэзии гуманистическую, социалистическую сущность той эпохи в истории наших народов, которая открылась для них Великой Октябрьской революцией. В сопоставлении картин исторического прошлого с сегодняшним днем рождается могучий импульс прекрасного, возвышающего чувства — советского патриотизма, гордости за великую родину социализма. Так история под рукой этих и многих других талантливых поэтов из разных союзных республик становится мощным фактором воспитания патриотического чувства граждан единого социалистического государства. Тема советского патриотизма стала одной из ведущих в отечественной поэзии. В творческой судьбе поэтов среднего и младшего поколения, таких, например, как М. Каноатов, Ю. Марцинкявичюс, Ф. Алиева, В. Сорокин, Б. Укачин, Г. Серебряков, Б. Олейник, Т. Кузовлева, Д. Дамбаев, Г. Багандов, М. Абылкасымова, эта тема играет ведущую роль, крепнет и развивается от книги к книге, обогащая великую патриотическую традицию советской литературы.

Интересно эту идейно-тематическую особенность проследить на творчестве Геннадия Серебрякова, поэта с очень обостренным социально-историческим чувством. В детской памяти его лирического героя, как след сильного ожога, остались и не дают покоя жгучие картины минувшей войны. И сыновний долг перед памятью павших за Родину вызывает у поэта такие скорбно-торжественные и клятвенные строки:

И если душе занедужится,
Ты выйди в седые поля.
Туда, где, как полюсы мужества,
Хранит обелиски земля.
Ведь с них начинаемся все мы,
Здесь память моя и твоя.
Ты слышишь? Тревожное время
На их оперлось острия.

Г. Серебряков — поэт широкого диапазона, чувство истории и современности, России ушедшей и возродившейся на новых началах, любовь к материнской земле, повидавшей и черные и светлые дни, во многом определяют поэтический пафос его книг. Вот строки о «земле своей до боли»:

Мне жизнь готовит радости и беды,
Изводит сердце жаждой высоты,
И стелет прямо под ноги планета
Дороги — бесконечные холсты.
Но я однажды, все заботы кинув,
Вдруг заспешу на трубный зов земли.
И свет сойдется журавлиным клином
В краю отцов, на берегу Нерли.

Стихи его внешне кажутся неброскими и даже в «ударных» моментах негромкими, но когда вчитаешься в них, настроишься на их эмоциональную волну, ощутишь за ними и цельное мироощущение и свежее, незатертое восприятие новизны жизни. Отношение поэта к окружающему — к красоте природы, к земле, к людям, на ней живущим, разумеется, лишено всякой созерцательности, а поэтому оно активное, настрой его оптимистический.

Вот довольно характерный пример такой лирико-публицистической живописности, обогащенной ассоциацией общественного толка:

Лес был похож на демонстрацию:
Деревья мне навстречу шли
И над собой, как флаги красные,
Зарю торжественно несли.

Осваивая современную тему, обобщая свой жизненный и творческий опыт, обращаясь к богатому опыту советской поэзии, Г. Серебряков идет трудным путем поиска к зрелости.

Разумеется, такой путь к художественной зрелости преодолевают и другие молодые поэты нашей многонациональной литературы, верные своему народу, своему времени, своему литературному долгу. Их никогда не покидает классовое и интернациональное чутье, классовый и партийный подход к сложной действительности. Гражданский пафос их стихов постоянно возрастает, мужает, обретает живую, горячую плоть подлинной поэзии. Гражданственность ее, завещанная великими литературными предшественниками, сегодня прочно принята молодыми на вооружение. Социальное звучание поэзии наших дней стало общим закономерным явлением всей многонациональной советской литературы.

Мама, у меня и во дворе и в сердце
Сложнейший из веков: двадцатый.
Как же мне не шагать с ним в ногу?
Как же мне не дышать его ветром?
Мама, человека лепит время...—

говорит алтайский поэт Борис Укачин. Это — обращение, идущее из сердца, оно касается всех, кто хочет связать свою судьбу с судьбою времени и народа.

Моя земля
Пьянит, как крепкий хмель
(Мне никакой другой земли не нужно)...
Оружье наше — хрупкая свирель,
Атака наша — доброта и дружба!..

Это строки, принадлежащие перу гагаузского поэта Дмитрия Кара Чобана, живущего в селе Бешалма.

Поэты молодого и среднего литературного поколения многое сделали, чтобы показать нравственно-интеллектуальный облик своего современника, выразить всю сложность и красоту его идеала, рожденного героической историей советского народа. О чем бы ни писали они, в их стихах прежде всего подкупает искреннее и успешное стремление быть на уровне передовых социальных и гуманистических идей, выразителем которых является наш трудовой человек:

...Мы ложились мостами
Меж рассудками и сердцами.
Мы в потоке Истории скором,
Как мосты, отразимся местами.

Трудно с берегом берег свести,
На горбу перетаскивать годы:
До сих пор ломота в кости,
И особенно — к смене погоды.

Ил событий, осадок дней
Потихоньку осел на сваи...
Те, что выросли рядом с нами,—
Совершеннее и стройней,
Хоть порою и холодней...

И однажды, весной, в ледоход,
Когда льдам горизонта не хватит,—
Нам История тем и заплатит,
Что с собою нас заберет —

так емко, с присущей ему высокой художественной символикой сказал один из талантливых представителей этого поколения, прекрасный литовский поэт Юстинас Марцинкявичюс, страстно воспевающий высоту нравственного духа своего героя.

Разумеется, проблема гражданственности, патриотизма, социальной зрелости решается не только молодыми поэтами, она всегда была главной в советской многонациональной литературе, она не раз находила совершенное выражение в блестящих произведениях крупнейших наших художников. И вместе с тем живой процесс утверждения и возмужания молодого поэтического поколения, выдвинувшего своего крупного, интересного лирического героя, порождает большие надежды.

Алма-Ата.

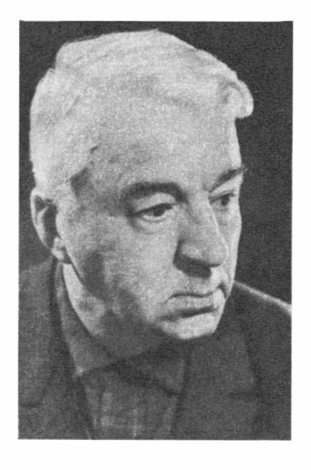
Б. Вакс (Харьков). ТИШИНА.

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

В. Одайник (Киев). КОНОПЛЯ. (КОЛХОЗНЫЕ БУДНИ).

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР»

ПАМЯТЬЮ БЫЛОЕ ТЕРЕБЯ

Николай **СИДОРЕНКО**

* * *

Мы сидим на сваленной
березе,
Памятью былое теребя.
Тишину и первые предгрозья
Каждый вспоминает про себя.

Подступила, подошла
минута —
И давно забытое встает.
Дверь в былое заперта как
будто,
А оно отыскивает ход.

Я молчу. Молчу и не целую
Руки неподвижные твои...
Соловьи поют напропалую,
Всей округой свищут соловьи.

* * *

В соседней роще вся листва
Опала за ночь вдруг,
И по законам естества
Вот-вот замкнется круг.

Метельный снег его замкнет,
И роща будет спать.
А чуть вода сломает гнет,
Все возвратится вспять.

И нам начать бы новый круг.
Но память лет жива —
Не облетит и в пору вьюг
С ее ветвей листва.

А если взять и позабыть,
Что было на пути?
Скажи, возможно ль день
прожить
И в никуда идти?

И мудрость памяти твоей
Сильнее естества:
Бессмертная, с ее ветвей
Не облетит листва.

* * *

Ты помнишь ли прогулки при
луне,
Густые тени на песке аллеи?
Тогда от полумрака, в тишине,
Час полнолунья был вдвойне
светлее.

Как жаждать света, если бы не
тень?
И в самом деле трудно
спорить с этим.
Лишь рядом с ночью
благодатен день,
Лишь с правдой рядом кривду
мы заметим.
Представь на миг, что тени
вовсе нет —
Могли бы люди в песнях
славить свет?

Та зима

П. П. Хузангаю.

Жизнь — погоня за мечтой
И обветренные губы.
То Балканы, то Париж,
То лазурный берег Кубы.

И стихи, всегда стихи!
И всегда вливались в строки
И народа и земли
Сокровенные истоки.

Позади его — война,
Покалечившая ногу.
С ним — мучительный недуг,
Обрывающий дорогу.

Все бы отдал я сейчас,
Чтоб ко мне из отдаленья
Добрый голос долетел
С легким ветром
вдохновенья.

Бьет двенадцать на часах —
Гул в медлительных ударах...
Коченеет снег в Москве
И на Волге — в Чебоксарах.

Подвиг

Свои бы фронт не перешли,
Когда б не этот паренек.
Иначе сделать он не мог,
Теперь таскает костыли.

Нашел ли он родимый дом,
Нашел ли молодость свою?
Стоял он, как солдат, в бою,
А после полз два дня с
трудом...

Жизнь принимай, как вечный
бой
Во имя павших и живых —
И будет свет небес родных
Сиять бессмертно над тобой.

Старинный мотив

Только слово, только слово
Невозвратно сорвалось.
Брови сдвинула сурово,
Чтобы скрыть мерцанье слез.

Ночь металась в снежной пене.
Ты открыла дверь рывком.
Увязая по колени,
Плечи кутала платком.

Под раздольные напевы
И за тридевять земель
Кони Снежной Королевы
Унесли тебя в метель.

Гнать вослед? Дороги тяжки—
Не настигнуть, не догнать.
И второй такой упряжки
Мне нигде не отыскать!

Где они, никто не знает,
Эти тридевять земель.
След полозьев заметает
Полуночница-метель.

...По земле проходят зимы.
Жгу ночами свет в окне:
Если будешь мчаться мимо,
Вдруг и вспомнишь обо мне.

* * *

Летят последние листы,
И веет грустью.
Идут последние плоты
В низовье, к устью.

Горит последний огонек
На мокрых бревнах.
Как он озяб, как одинок
В волнах неровных.

Меж двух земель, меж двух
небес
Путь держит кто там?
Плавучий огонек исчез
За поворотом.

Возьми, возьми обратный
путь!
Все дальше сносит.
Не задержать, не повернуть,
Как эту осень.

Придется зиму поджидать,
Застынут воды,
И будут мне снега сиять,
Выть непогоды.

Сгребать я буду чистый снег
Большой лопатой.
А он летит на все, на всех
Густой, лохматый.

Свежей, моложе чистоты
Сердца не знают.
...Идут последние плоты.
Плывут, сплывают.

Ия МЕСХИ

МОРЕ УГРОЖАЕТ

1. Что с ним случилось

Понадобилось мне как-то пройти в один колхозный дом в пригороде Батуми. Накануне поднялся на море сильный шторм и еще не утих. Громадные косматые волны, выпячивая свои рыжие груди, вздымались вверх и со всей силой обрушивались на берег. Скользкая глинистая тропинка вела по остаткам чайной плантации. Было видно, как над свежей кромкой берега, на переднем крае, обреченно стояли бритоголовые кусты. А те, что еще вчера были перед ними, слизанные ночью штормовой волной, метались уже где-то в пучине моря. Плантация погибала.

Хозяйка повела меня в свой полуразрушенный двор и голосом, в котором не было ни боли, ни гнева — одно лишь недоумение, говорила:

— Вот здесь несколько лет тому назад стоял наш дом... А тут колодец...

Волна обнажала пока еще торчащий из-под гальки колодезный остов. Море неуклонно наступало на этот слегка выдвинутый мысок.

Помню, когда я вернулась в город, меня поразило, что там все были совершенно спокойны, ходили по улицам, улыбались. Никто не вспоминал о том, что на свете есть такие вот полуплантации и полудворы... Просто я не знала тогда, что люди уже давным-давно действуют; что в Сочи, в ущелье реки Гнилушки, работает ученый-гидролог, кандидат наук Александр Михайлович Жданов со своей лабораторией, которая занимается вопросами инженерной защиты морских берегов; что в Москве, в Институте географии Академии наук СССР, есть профессор Всеволод Павлович Зенкович, обследовавший самолично (с помощью акваланга) множество подводных пляжей и сделавший выдающиеся исследования по динамике морских берегов. Наконец, несколько лет тому назад в Тбилиси, в проектном институте, уже была разработана схема береговых укреплений Черного моря в пределах Грузии, и по этой схеме начались кое-где защитные работы.

Да, и тогда было известно, что в последние десятилетия побережье Черного моря стало активно размываться, особенно на Кавказе, в Грузии, в стране гор. Дело в том, что горные отроги здесь приближены к морю, из многочисленных горных ущелий бегут вниз бурные реки, которые выносят к морю во время паводков и дождей миллионы тонн гравия, гальки и песка. Этими наносами и образованы морские пляжи — своеобразные буфера между морем и сушей. Выражаясь образно, реки своими длинными руками, полными камней, напирают на море, не дают ему наступать. Как там у них получается «ничья», еще не совсем точно выяснено. На белой полосе между морем и сушей кипит сложнейшая работа: часть камней вместе с волнами передвигается вдоль берега, довольно справедливо распределяясь по участкам, часть сползает вглубь или сваливается в подводные овраги. За миллионы лет природа сама все отрегулировала, сама установила динамическое равновесие.

А человек? Человек прежде у моря был тих: рыбачил, плавал, грелся на песке. Это сейчас он перебрасывает реки с места на место, перегораживает их, перегораживает молами морские бухты, строит на реках, возле морских пляжей и даже прямо на самих пляжах! Из-за всех этих, как правило, необходимых дел берега систематически недополучают свое обычное питание, пляжи истощаются. А тут еще строители, которые варварски забирают гальку прямо из русел, с пляжей.

И вот десять лет тому назад, когда стало ясно, что почти половина грузинского побережья очень болезненно отреагировала на все эти нарушения, началась борьба с морем.

Южнее Сухуми есть такой городок — Очамчира. Все ближе и ближе подбиралось к нему море и уже не то чтобы одному или нескольким домам — стало угрожать всему городку, его центру. Приезжаю сегодня в Очамчиру — вдоль берега на два с половиной километра стоит бетонная стена, а от нее в море торчат, как шпоры, сорок четыре буны. Сорок четыре!.. В каждую буну вложен огромный труд людей и работа механизмов — с моря и с суши. Но как приятно видеть, что городок защитили! Между бунами само море намыло гальку, образовались пляжи. Все это сооружение начали строить в 1965 году и закончили вот только что.

Но вот другой район Очамчиры. От главной трассы к морю ведет асфальт. Дорога все вперед и вперед, и вдруг, как топором обрубили,— обрыв. Внизу как ни в чем не бывало тихо плещут волны.

Огибаю с тыла небольшой домишко готических форм для того, чтобы разглядеть обрыв. Земля свежая, красноватая. Море, видно, брало ее целыми кусками. Отмеряю от края обрыва до фасада готического домика: «А до смерти-то девять шагов!..» Щелк! Шумно распахивается форточка, высовывается седая голова в берете: «Вы землемер?» В общем, знакомимся. Дядя Семен, бывший моряк, механик, плавал с 22-го года, потом бросил якорь здесь. И пошли рассказы о том, что, мол, было здесь с километр до берега, что стояли тут, чуть впереди, два 32-квартирных дома и так далее.

— А сколько метров берега съедает море за шторм?

— Так, метра три, а то и четыре...

— Значит, еще один шторм переждете здесь?

— Да, еще один пережду и тогда — с корабля...

Вот ведь как даже в такой защищенной Очамчире: в одном месте ставится защита, а рядом размывает. Да как размывает!

Каково же теперь общее протяжение размываемых участков на грузинских берегах? Оказалось, что, несмотря на сделанные немалые укрепления, этих размываемых участков стало почти на 30 километров больше, чем десять лет назад.

От таких «даров моря» становится не по себе...

2. Бороться и искать!

Сочи. Ущелье Гнилушки. Черноморское отделение морских берегозащитных сооружений имени А. М. Жданова Всесоюзного научно-исследовательского института транспортного строительства. Вот какое большое название уместилось в этой узкой щели. И не только название — большие экспериментальные бассейны и лотки, довольно обширное хозяйство, вышедшее своим волнопостом на простор морских дорог.

Это единственное в своем роде специализированное научное учреждение, в котором нуждаются не только Черное, но и Балтийское море, и берега Тихого океана, и озеро Байкал. Хозяйственная деятельность человека, вызвавшая нарушения равновесия на берегах Грузии, Большого Сочи, Крыма и т. д., не в такой мере, но то же самое творит в других местах. А здесь специалисты дотошно изучают балансы наносов, создают новые конструкции для берегозащиты, испытывают модели.

Вместе с заведующим лабораторией морских берегозащитных сооружений кандидатом технических наук Е. К. Гречищевым стоим у Большого волнового бассейна. Вода спущена, и перед нами обнажились «подводные пляжи» Кобулети.

Кобулети — великолепное курортное местечко, особенно для детей. Еще недавно на всем Черноморском побережье не было такого мощного пляжа, сложенного из столь мелкой приятной гальки. Но вот море стало отбирать этот пляж, и можно сказать, что от его былого величия почти ничего не осталось. Отчего это произошло, пока неизвестно. В подводной части пляжа, близко от берега, глубокая яма, в которую, возможно, сваливаются потоки кобулетской гальки. Кобулетская мо-

дель работает у сочинцев с августа прошлого года. Завозить на пляж «чужую» гальку? Строить подводный волнолом на все восемь километров? А будет ли материальная и техническая возможность построить его такими темпами, чтоб, пока выстроишь один участок волнолома, не размыло соседний участок берега?

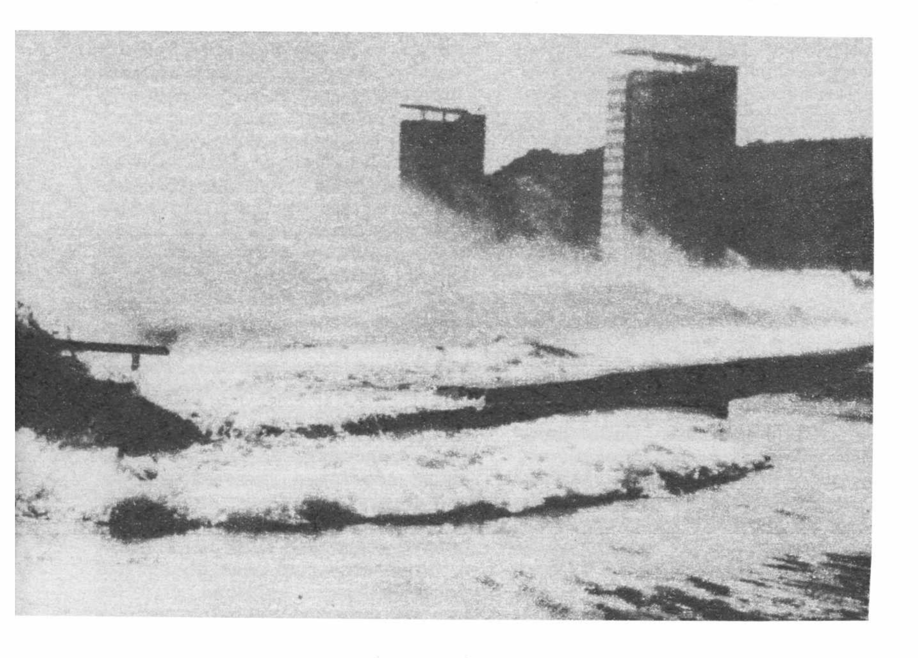
Вопросов много, а время идет. А море наступает на Кобулети и заглатывает остатки «вкусной» гальки. Но что делать? Надо ведь и подумать, убедиться в чем-то и в таких частных случаях, как Кобулети, и вообще в главных направлениях технической политики берегозащиты.

Евгений Ксенофонтович — бывший байкалец. И сейчас в его кабинете висят чудесные виды байкальских берегов. Трудно оторвать от сердца. Но уже оторвано. Проблема берегозащиты Черного моря посложнее Байкала. А грузинское побережье, очутившееся в наиболее скверном положении, требует особых усилий и решений.

И вот я спрашиваю: чем же объяснить, что прошло десять лет планомерной борьбы с морем, почти одна пятая часть грузинского берега имеет берегозащитные сооружения, а длина размываемых участков увеличивается? Не странно ли это?

— Нисколько,— отвечает Гречищев,— если б мы сидели сложа руки, могло бы размыть еще больше. Но, действуя, мы порой не учитываем очень важных особенностей строительства, связанных именно с морем. Если защищаешь один участок, думай: не ухудшит ли это устойчивость на смежном? Значит, проектируя, надо иметь в виду все побережье и решать задачу в одном комплексе. И второе: надо все делать вовремя. Пока еще темпы наступления моря опережают нашу защиту.

Но почему же мы не можем опередить море? Почему?! Спускаясь по ущелью Гнилушки, мы вышли на волнопост. Гречищев, человек спокойный, по-сибирски обстоятельный, все говорил о перспективах работы отделения. И за этими разговорами чувствовалась какая-то сила. Наверно, сила постепенно накапливаемых знаний и опыта. Ведь самое трудное в случившемся то, что у нас этого никогда не было, что мы не трогали море и оно не трогало нас. А теперь, когда все задвигалось, надо прежде всего во всем спокойно разобраться. И, как всегда, прежде всего разобраться ученым. Приходится это делать в боевых условиях. А кто-то и в самом деле ведет бой...

3. Отряд Виктора Аппба

Инженеру Виктору Аппба, начальнику плавстройотряда № 9, поручен участок строительного фронта от Гантиади до Очамчиры. А штаб — в Сухуми. И тут же, возле конторы, только что отстроенный порт-укрытие.

Вырос Аппба в семье абхазского революционера Карамана Аппба, в поселке Новый Афон. Теперь это — чудесное курортное местечко, и Виктору со своим отрядом приходится его защищать. Может быть, помните длинную кипарисовую аллею вдоль берега? В ее тени приятно было возвращаться с пляжа. Теперь аллеи нет. Один ряд кипарисов рухнул в море. Здесь сложно. С одной стороны — истощенный морем и расхитителями пляжного материала берег. С другой (буквально с другой стороны!) — на Новый Афон надвигаются пять оползней. Автомобильная дорога дала трещину. Ведутся работы по противоаварийному плану.

Зато Гудаута в полном спокойствии: стоит трехкилометровая стенка с 32 бунами.

Но вот и Гагра. Как ей не повезло! Справа — реки Мзымта и Псоу подкармливали ее пляжи своими наносами, слева — река Бзыбь. Теперь эти «продукты питания» поступают весьма ограниченным пайком. Была еще своя собственная кормилица — речушка Жоэквара. Но однажды, когда она выбросила селевой поток (грязь с камнями) и стала угрожать спокойствию города, ее перегородили камнезадерживающей плотиной. Именно плотиной, задерживающей камни! Пляжи стали сужаться, местами исчезать, глубины моря у берегов — увеличиваться. А ведь Гагру в первую очередь взяли под защиту, укрепили бунами. Но несколько зимних штормов, мощная работа волны, которая, словно ковшами, выгребала из-под буновых подушек рыхлое основание,— и шесть бун покосились.

Мы стоим на стенке, у буны № 17. Она восстановлена. Засыпано (здесь говорят «отсыпано»!) 60 тысяч кубометров гальки, которую возили из старой поймы Бзыби.

— До отсыпки,— говорит Аппба,— море здесь было глубиной в два метра. Стенка висела над ним. Вот что значит отсыпка!

— А что вы будете делать дальше? Ведь другие буны тоже деформированы.

— Посмотрим, что нам скажут ученые и проектировщики.

— А что бы вы предприняли сами?

Вместо ответа Виктор Аппба называет мне цифры стоимости строительства буны и стоимости ее реконструкции. Они почти совпадают, во всяком случае, не очень разнятся. А 12-я буна переделывалась четыре раза. Сколько на нее ухлопано денег! И нет уверенности, что с ней больше не будет возни. Есть более прогрессивные конструкции бун, которые как бы забиваются в дно...

— Да не в этом дело,— огорченно вздыхает начальник отряда.— Вы посмотрите, как все несложно (волноломы, стенка, буны, отсыпка) и вместе с тем как все сложно в нашем хозяйстве. Какой долгий, извилистый путь проходят решения через всевозможные министерства, отделения исследовательских и проектных институтов и строительные тресты до нашего отряда, до какой-нибудь одной буны! Как тут успеешь опередить море? А финансирование? По новой генсхеме мы систематически недополучаем ассигнования на берегозащитные мероприятия... Вот я все думаю,— продолжает Виктор,— нельзя ли создать нечто вроде специализированной строительной фирмы по защите морских берегов? Генсхема — это правильно для общего направления работ. Но каждый год приносит что-то новое и со стороны моря и в области технической мысли. Проекты надо быстро менять на ходу. Фирма брала бы заказ и полностью за него отвечала от начала до конца.

А может быть, и вправду фирма?

4. Надо опередить море

В 1969 году РСФСР, Украине и Грузии было предложено разработать генеральные схемы берегозащиты на своих участках. Такую схему для грузинских берегов создала проектная организация.

В октябре прошлого года в Сухуми под председательством профессора Георгия Михайловича Шахунянца собралась большая, представительная комиссия Госстроя СССР, рассмотрела и в основном приняла эту схему. Работы рассчитаны на десять лет. Укреплять надо 78 километров размытого берега. Стоимость строительства — 117 миллионов рублей.

Спустя месяц, в ноябре, на сессии Верховного Совета СССР депутат от Грузии Отари Ильич Лолашвили сказал:

— В настоящее время в городах Гагра, Кобулети и поселке Новый Афон положение стало настолько тяжелым, что Совет Министров Грузинской ССР был вынужден наметить специальные чрезвычайные противоаварийные мероприятия с затратами в 1,6 миллиона рублей. Справиться со стихийными бедствиями, происходящими на побережье Черного моря, и осуществить намеченные генеральной схемой капитальные мероприятия по берегоукреплению республика может лишь только с помощью союзного правительства.

В республике при Министерстве коммунального хозяйства создано Управление по надзору и эксплуатации берегоукрепительных сооружений.

Республика ставит вопрос о создании специального треста по строительству берегоукрепительных сооружений.

Цитирую письмо лауреата Ленинской и Государственной премий профессора В. П. Зенковича председателю Совета Министров Грузии Гиви Димитриевичу Джавахишвили:

«В Грузии так же, как это имеет место в некоторых странах с многовековым опытом защиты берегов (Англия, Голландия), должен существовать правительственный орган, в функции которого входят как исследовательские, проектировочные работы и режимные наблюдения, так и эксплуатация существующих и создаваемых пляжей и технических сооружений. Таким образом, может быть, стоит создать управление по борьбе с разрушениями и охране берегов, подчиненное непосредственно Совету Министров Грузинской ССР».

Итак, фирма, трест, управление. Во всех этих предложениях есть одно общее: желание сосредоточить дело в одних руках, сделать систему более гибкой, мобильной.

Нетрудно представить себе, что отряду Аппба постоянно нужен бутовый камень и облицовочный материал. Еще в 1969 году из Грузии в Госплан посылаются технико-экономические обоснования строительства карьера в Сухой балке (Гантиади). Госплан медлит с ответом. Из Грузии идут письма, напоминания, просьбы, наконец, Госплан отвечает, что он не поддерживает предложения о Сухой балке потому-то и потому-то. Идет 1972 год. Нет ни карьера, ни намека на то, что он будет строиться в Сухой или какой-либо иной балке. Откуда же берет камень отряд Аппба? Откуда придется. А однажды даже возил его из... Нет, не скажу: он просил не выдавать его.

В связи с этим вспоминаю: Евгений Ксенофонтович Гречищев говорил, что в Крыму сегодня кубометр щебня стоит от 10 до 14 рублей. Это очень дорого. А в Грузии стоимость этого кубометра в отдельных местах доходит и до 28 рублей. Золотой щебень!..

За последние годы люди, занятые берегоукреплением, от ученых до крановщиков, убедились в том, что строить в «белой полосе» между водой и землей — это не то, что строить просто в воде или просто на земле. Здесь много сюрпризов, много неразгаданного, и все это требует большей организованности, материальных средств и оперативности. Ибо через десять лет, а то и раньше как бы не пришлось составлять новые проекты, на более крупные суммы.

Давайте же опередим море!..

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Алексей МЕДВЕДЕВ,
заслуженный мастер спорта,
старший тренер
сборной команды СССР

КРАСНОРЕЧИВ КИЛОГРА

Лучшие эстонские плотники сколачивали помост для участников чемпионата страны: ведь всем было ясно, что на его дубовый настил обрушатся невиданные доселе тяжести. Но события, разыгравшиеся в середине апреля в Доме спорта «Калев», застали врасплох многих любителей тяжелой атлетики и заставили их не раз и не два повторять крылатую фразу: «Лес рубят — щепки летят». Да, с каждым днем чемпионата щепки в буквальном смысле этого слова все больше засыпали ковер, на котором была установлена богатырская арена. Двадцать два мировых рекорда «срубили» на ней штангисты. Такое число для одного соревнования — событие невиданное.

Чем же можно объяснить бурю рекордов, разыгравшуюся под сводами Дома спорта, носящего имя легендарного эстонского богатыря? Казалось бы, что штангисты постараются сберечь свои силы для Мюнхена. Но руководство сборной команды совместно с тренерами и спортсменами еще задолго до встречи в Таллине разработало перспективный цикл подготовки к Олимпиаде, планируя высокие результаты уже на чемпионате страны: ведь первенство СССР являлось основной вехой перед отъездом в Мюнхен, экзаменом для членов сборной команды. Мы теперь располагаем в каждой из девяти весовых категорий большим числом равноценных атлетов, и они должны были доказать свое право на место в сборной команде страны. Так что мы не случайно стали свидетелями невиданной по напряжению схватки.

Как далеко ушла тяжелая атлетика за эти четыре года! Результаты, которые сейчас показываются на помосте, еще не так давно можно было рассматривать лишь в плане утопическом, а сейчас мы рассматриваем и анализируем их уже в плане реальном, статистическом. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить о том времени, когда штангисты мира собрались у помоста мексиканской Олимпиады. В то время еще не получили права международного гражданства вес наилегчайший (до 52 килограммов) и вес первый тяжелый (до 110 килограммов), штангисты выступали не по девяти, а по семи весовым категориям, и тогда, четыре года назад, в первых трех весовых категориях мы уступали нашим соперникам.

Хотя в легчайшем весе мировой рекорд и принадлежал Г. Четину (367,5 килограмма), но золотую олимпийскую медаль завоевал иранец М. Насири, повторив рекордную сумму. И вот теперь на чемпионате СССР в Таллине, в канун мюнхенской Олимпиады, Г. Четин, по общему мнению, выступил довольно скромно, хотя и поднял те самые некогда славные 367,5 килограмма, ведь теперь этот результат на семь с половиной килограммов легче нового мирового рекорда, установленного Четиным в прошлом году. А ведь, кроме Четина, в этой весовой категории успешно выступил в Таллине молодой штангист Р. Беленков. Его личный рекорд — 365 килограммов, но он имел все возможности вплотную приблизиться к рекорду мира.

Еще разительнее изменения произошли в полулегком весе за эти четыре года. В Мехико японец И. Мияке победил, преодолев 392,5 килограмма, а наш Д. Шанидзе занял второе место, отстав на 5 килограммов. После этого Мияке добился нового успеха, установив в 1969 году мировой рекорд — 400 килограммов, но в Таллине Шанидзе улучшил результат японца еще на два с половиной килограмма, и теперь встреча двух сильнейших полулегковесов мира в Мюнхене пройдет совсем на другом уровне.

И, наконец, третья цитадель наших соперников — легкая весовая категория. Здесь многие годы безраздельно лидирует замечательный польский атлет Вольдемар Башановский. В Токио он завоевал золотую олимпийскую медаль, подняв в сумме трех движений 432,5 килограмма, спустя три года установил мировой рекорд — 440 килограммов, а в Мехико снова добился победы. На прошлой Олимпиаде мы не выставляли участника в легком весе, предпочитая выступать двумя спортсменами в одной из тех весовых категорий, где имели больше шансов на две призовых медали. И вот теперь перед Мюнхеном у нас два атлета легкого веса — П. Король и М. Киржинов — претендуют на места в олимпийской команде. Об этом достаточно убедительно говорят результаты, показанные ими на чемпионате страны в Таллине. Молодой атлет М. Киржинов поднял 445 килограммов, и еще на два с половиной килограмма больше поднял П. Король. Правда, его результат является не мировым, а всего лишь всесоюзным рекордом (мировой рекорд Башановского — 450 килограммов), но разве это не говорит о возможностях советских спортсменов? Но, конечно, такой замечательный штангист, как В. Башановский, не сдастся без боя, хотя ему уже 37 лет, и на помост выйдет еще один польский штангист — З. Кочмарик.

Если в первых четырех весовых категориях, в том числе и в новой — наилегчайшей (здесь Адам Гнатов со своими 335 килограммами занимает лишь третье место после Шандора Хольцрейтера и Зигмунда Смальцежа), мы до сих пор не чувствовали себя уверенно и неизменно встречали на помосте очень сильных соперников, то в последующих пяти весовых категориях наши силы были всегда велики, а сейчас еще более окрепли. Правда, был момент, когда уже после Мехико потерял свою боевую форму наш славный ветеран, штангист полусреднего веса Владимир Куренцов, но он тут же получил достойную смену в лице Владимира Каныгина, завоевавшего первенство мира в Перу.

Теперь в Таллине мы снова встретились с Куренцовым, полным сил и желания побеждать. Именно он завоевал первенство, правда, при отсутствии заболевшего Каныгина, да и Колодкова он победил, набрав с ним одинаковую сумму — 477,5 килограмма (Куренцов оказался легче своего соперника). Таким образом, наши силы в полусреднем весе не только не ослабли, но и значительно окрепли, однако мы не можем забывать о том, что на помосте в Мюнхене наших атлетов ждет встреча с очень серьезными соперниками—норвежцем Енсоном, итальянцем Сильвино, болгарином Биковым и другими. Не за горами тот час, когда штангист полусреднего веса подойдет к пятисоткилограммовому рубежу, и, кто знает, не произойдет ли это событие уже в Мюнхене? Правда, для этого победителю придется прибавить к мировому рекорду Куренцова 17,5 килограмма, но мы же привыкли к таким «спуртам».

Для того, чтобы представить себе полновесность куренцовского рекорда, я напомню, что он всего на два с половиной килограмма легче результата, который принес победу нашему средневесу Б. Селицкому на Олимпийских играх в Мехико. Далеко шагнули вперед после этого средневесы. Б. Павлов на чемпионате страны в Таллине установил мировой рекорд, равный 515 килограммам, а ведь мы имеем в среднем весе еще двух очень сильных штангистов — Г. Иванченко и В. Шария, поднявших по 510 килограммов, и В. Рыженкова, набравшего в сумме трех движений 507,5 килограмма *.

Нет никаких сомнений, что на олимпийском помосте борьба средневесов будет очень яркой, а там, где высок накал спортивного спора, там высоки и результаты.

Об этом непреложном законе достаточно убедительно говорят успехи штангистов следующей весовой категории — полутяжелой. Перед Олимпийскими играми в Мехико в полутяжелом весе безраздельно властвовал наш Ян Тальтс. Еще в июне 1968 года на чемпионате Европы Тальтс был недосягаем для других, установив мировой рекорд — 512,5 килограмма, а всего через месяц финн Карло Кангасниеми прибавил к этой сумме сразу десять килограммов, а затем в Мехико завоевал первенство. Теперь мировой рекорд в полутяжелом весе — 555 килограммов. Этот великолепный результат тоже родился на таллинском помосте и принадлежит представителю нового поколения советских атлетов — Давиду Ригерту.

Ригерт появился в большом спорте всего два года тому назад и, конечно, еще не полностью раскрыл свои возможности, так что мы вправе ждать от него в ближайшее время многого. Кто же может поспорить с Ригертом в Мюнхене? Кангасниеми вернулся в средний вес, но за это время окреп швед Бу Юхансон (545 килограммов). Наш В. Колотов поднял в сумме трех движений 540 килограммов. А кроме них, нельзя сбрасывать со счетов и болгарина Шопова (525 килограммов).

Ян Тальтс сразу же после Олимпиады в Мехико перешел в новую весовую категорию — первый тяжелый вес — и добился там очень больших успехов в борьбе со своим главным соперником американцем Р. Беднарским, установив серию мировых рекордов. Теперь Тальтсу придется считаться и с рядом советских штангистов: с П. Первушиным, Ю. Козиным, В. Якубовским. В Таллине 25-летний ленинградец Первушин установил новые мировые рекорды и в рывке и в толчке, и Тальтсу пришлось в борьбе с ним напрячь все свои силы. А в результате родился новый мировой рекорд в сумме трех движений — 587,5 килограмма! *

Перед токийской Олимпиадой этот вес был зафиксирован Ю. Власовым и являлся новым мировым рекордом для второго тяжелого веса. Перед мексиканской Олимпиадой мировой рекорд, установленный Жаботинским, был всего на 2,5 килограмма тяжелее.

* После отъезда сборной на чемпионат Европы в Москве В. Шарий улучшил мировой рекорд Павлова сразу на 12,5 килограмма.

* Этот результат в Москве был превышен на 2,5 килограмма В. Якубовским, причем столько же поднял на этих соревнованиях и Ю. Козин.

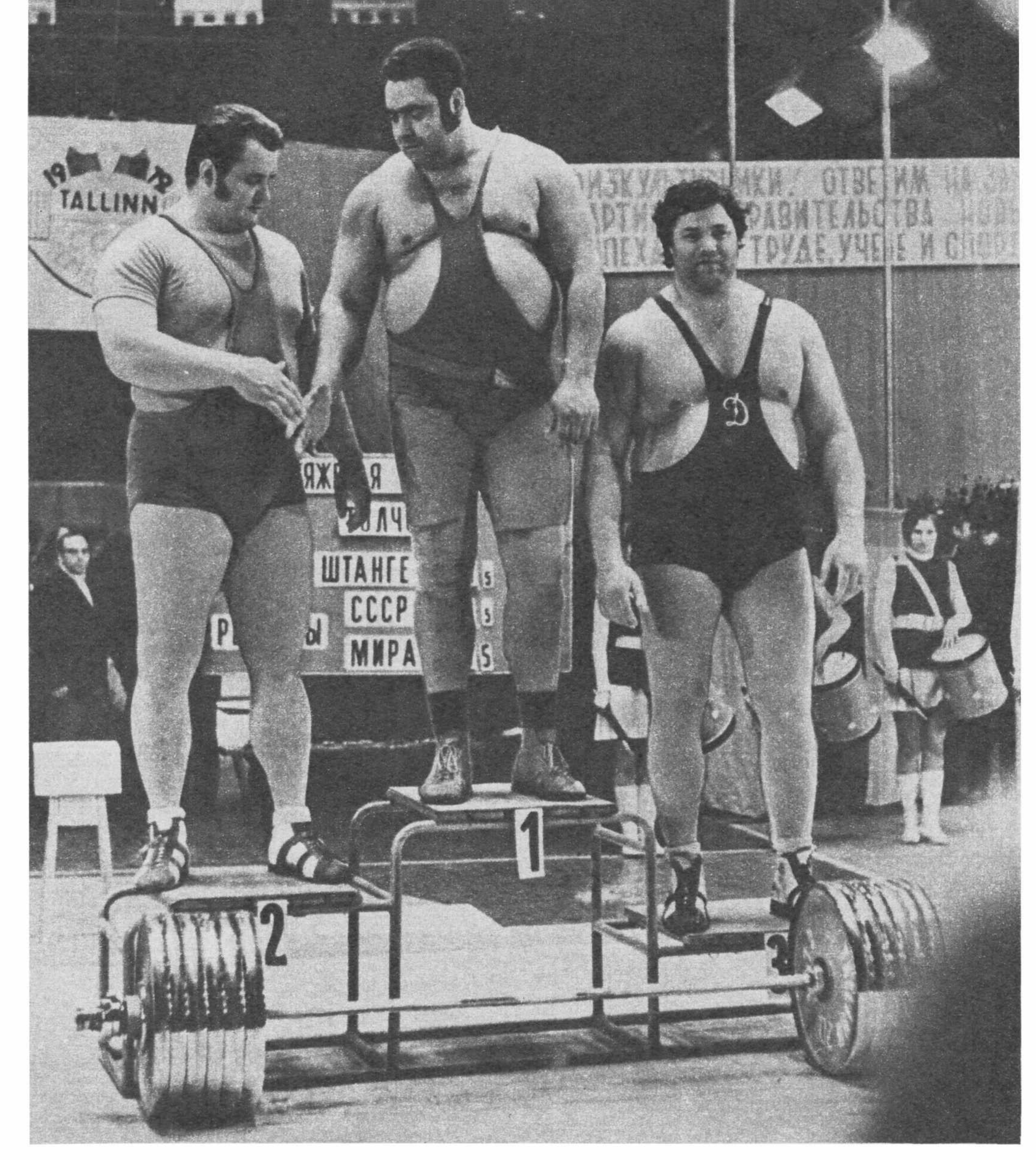
ЫЕ
ММЫ

Как и надо было предполагать, выступление Василия Алексеева в Таллине снова потрясло воображение всех любителей тяжелоатлетического спорта. Когда я наблюдал за Алексеевым, который, как известно, установил в Таллине пять мировых рекордов, и в том числе новый рекорд в сумме трех движений — 645 килограммов, я вдруг вспомнил, что четыре года тому назад тоже на чемпионате страны Алексеев был всего лишь третьим со своими 540 килограммами. Таким образом, за это время наш замечательный атлет прибавил к своему исходному результату 105 килограммов! Он первым преодолел шестисоткилограммовый рубеж и сейчас сильнее всех тяжеловесов мира, но мы все же не должны забывать, что Алексеев показал путь к высшим достижениям такому сильному спортсмену, как Р. Манг (ФРГ). Разве на чемпионате Европы в Румынии не пришлось Алексееву выдержать серьезную борьбу с Мангом, и лишь на самом финише смог он уйти вперед всего на 2,5 килограмма.

Вообще наши штангисты на помосте в Констанце, где мы после многолетнего перерыва выставили участников во всех девяти весовых категориях, должны были приложить максимальные усилия, и не всегда им удавалось добиваться успеха. Борьба на первенстве Европы показала, что в легких весовых категориях нам в Мюнхене придется очень нелегко. Хоть мы и завоевали первенство в Констанце в легчайшем и полулегком весах, но не должны забывать о том, что в Румынии не было неувядаемого ветерана венгра И. Фельди и очень сильного польского штангиста Я. Войцеховского. Ну, а в легком и полусреднем весах мы смогли познакомиться с исключительно сильными болгарскими атлетами М. Кучевым и Й. Биковым, завоевавшими золотые медали.

Для того, чтобы обеспечить себе победу в Мюнхене, атлетам надо иметь огромный запас мощности, вот такой, каким располагает наш Ян Тальтс, победивший на чемпионате Европы с великолепным результатом 587,5 килограмма и, безусловно, близкий к тому, чтобы поднять 600 килограммов.

И при удачной и при неудачной попытке все с тем же оглушительным грохотом валится штанга на помост, так что многим может показаться невыразительным, однообразным голос этой чугунной громады. Но разве покоренные килограммы не говорят с неопровержимой красноречивостью о неисчерпаемых возможностях человека-победителя?!

Василий Алексеев на привычном месте.

Ян Тальтс готовится.

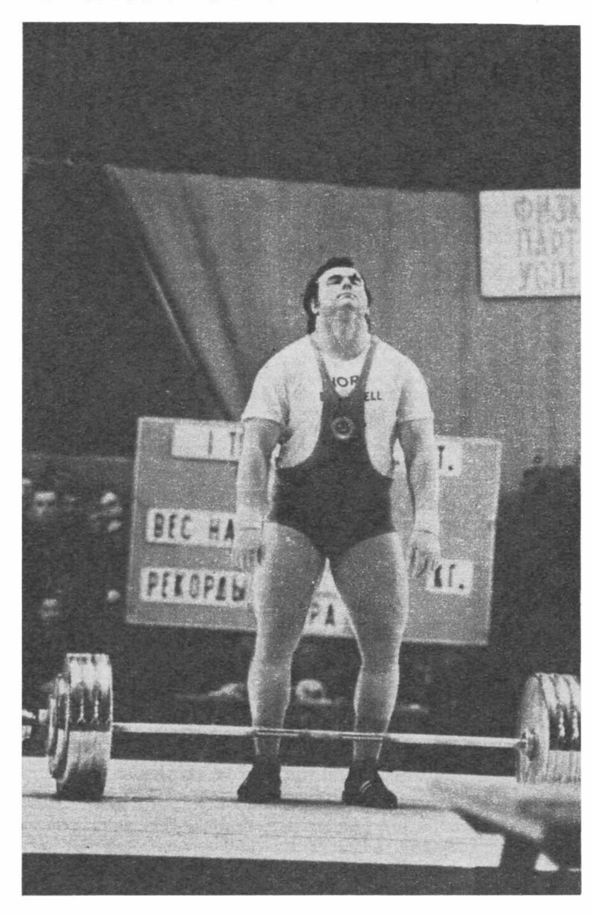
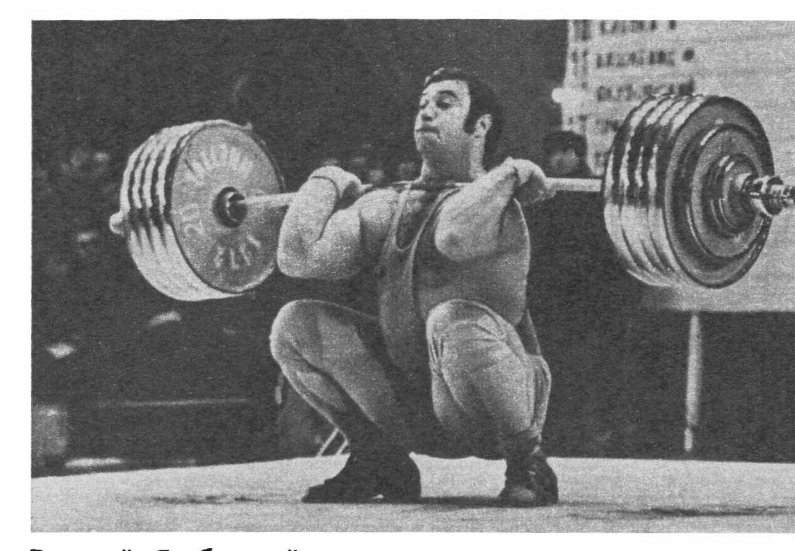
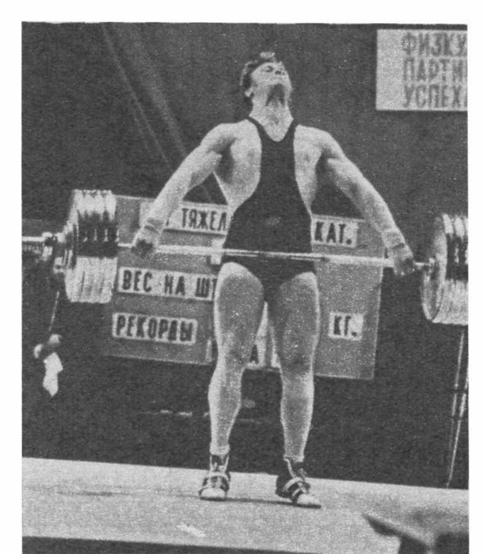

Фото В. Сальмре.

Валерий Якубовский — рекордсмен мира в первом тяжелом весе.

Павел Первушин славится своим рывком.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

ПАССАЖИР С АВОСЬКОЙ

В НЕБОЛЬШОЙ ЗАМЕТКЕ «ПАССАЖИР С АВОСЬКОЙ» («ОГОНЕК» № 8 С. Г.) РЕЧЬ ШЛА О ТОМ, ЧТО В ДНЕВНОМ ПОЕЗДЕ МОСКВА—ЛЕНИНГРАД, НАХОДЯЩЕМСЯ В ПУТИ БОЛЕЕ ШЕСТИ ЧАСОВ, НЕТ НЕ ТОЛЬКО ВАГОНА-РЕСТОРАНА ИЛИ КУПЕ-БУФЕТА, НО И РАЗНОСНОЙ ТОРГОВЛИ САМЫМ ПРОСТЫМ И НЕОБХОДИМЫМ—МИНЕРАЛЬНОЙ ВОДОЙ, СВЕЖИМИ БУТЕРБРОДАМИ.

Разговор на эту тему вышел за рамки одного рейса, одной Октябрьской железной дороги.

— Вопросы, затронутые в заметке, — пишет заместитель министра торговли СССР В. БЫЧКОВ, — актуальны. Министерство торговли неоднократно обращалось в Министерство путей сообщения с предложением увеличить парк вагонов-ресторанов и купе-буфетов, а также с просьбой организовать с помощью проводников продажу кондитерских изделий — печенья, вафель, зефира, пряников и т. п. Однако эти вопросы решаются медленно...

После выступления журнала Министерство путей сообщения приняло предложение Главдорресторана Министерства торговли РСФСР и изыскивает возможность включения в отдельные поезда на дорогах Москва—Ленинград, Саратов—Приволжье, Саратов — Александров Гай, Хабаровск — Волочаевка, Чита — Приаргунск вагонов-ресторанов или купе-буфетов.

Начальник Главдорресторана В. ШЕСТОПЕРОВ также отмечает актуальность выступления журнала, указывая при этом, что для улучшения обслуживания пассажиров в вагонах-ресторанах необходимо решить ряд вопросов. Среди них и такой, вроде бы чисто технический, как переоборудование плит и отопительных котлов вагонов-ресторанов с твердого на жидкое топливо: ведь на загрузку вагона углем уходит львиная доля забот ресторяторов. Да и времени тоже.

По предложению Главдорресторана вагон-ресторан включен в поезд № 23/24 Ленинград — Москва. Купе-буфеты будут в поездах Хабаровск — Вяземская, Хабаровск — Волочаевка; ранее их там не было.

Мы получили письмо и от заместителя начальника Главного пассажирского управления Министерства путей сообщения В. КОЛПАКОВА.

— В некоторые поезда на линии Москва — Ленинград, курсирующие в дневное время, включены вагоны с купе-буфетами. В поезде № 9/10 такой вагон появится позже, но там организуется разносная торговля прохладительными напитками, бутербродами и кондитерскими изделиями. Вагоны-рестораны будут во всех пассажирских поездах, которые находятся в пути следования в одном направлении сутки и более. Что же касается вагонов с купе-буфетами, то их пока еще мало, и министерство не может обеспечить ими все поезда.

Надо полагать, что все эти проблемы будут решаться быстрее. Забота о питании пассажиров во всех поездах, включая и те, которые находятся в пути менее суток, — важное дело. Особенно сейчас, летом, в разгар курортного сезона, когда число пассажиров заметно увеличилось.

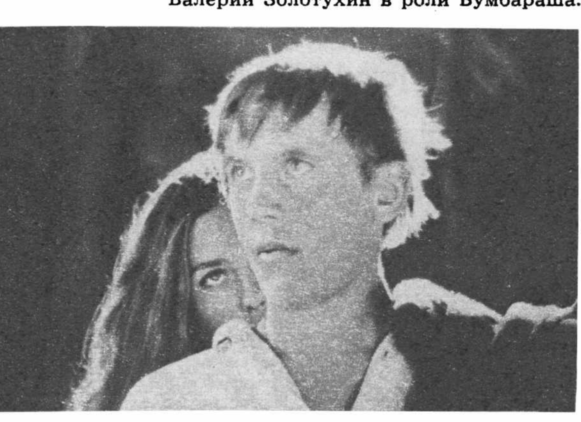
БУМБАРАШ, ДЕРЕВЕНСКИЙ ПАРЕНЬ...

И еще один новый телефильм увидели недавно зрители на своих голубых экранах.

«Бумбараш», снятый по сценарию Е. Митько режиссерами Н. Рашеевым и А. Народицким,—это история простого деревенского парня, история постепенного превращения наивного и, как говорится, «малосознательного» солдатика царской армии в верного бойца революции.

Через многие мытарства пришлось пройти «Бумбарашке» (его играет Валерий Золотухин), со многими людьми повстречаться, многих, дорогих сердцу людей потерять, прежде чем он смог определиться: понять, что нет для него иного пути, чем борьба за Советскую власть.

Валерий Золотухин в роли Бумбараша.

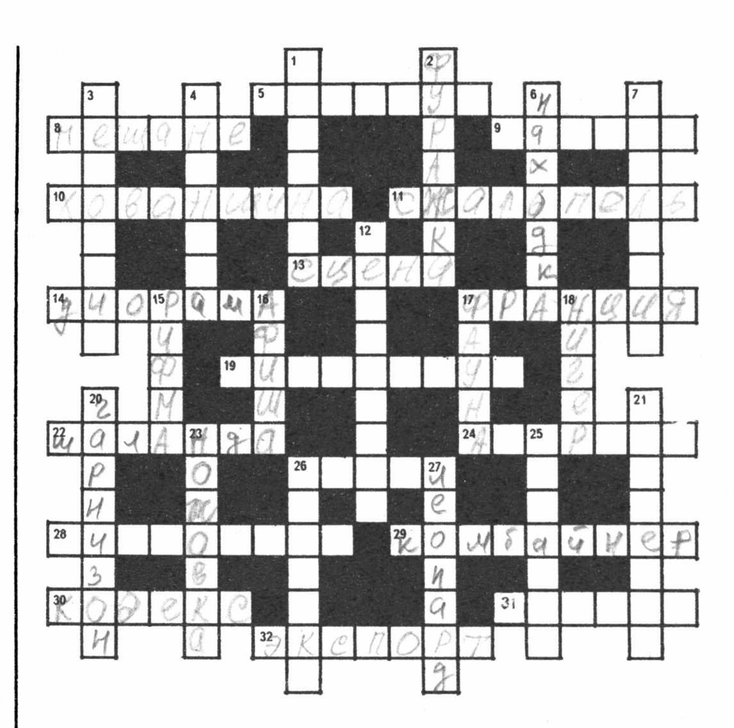
Становление героя особенно ярко прослеживается на взаимоотношениях с земляком Гаврилой Полуваловым (Ю. Смирнов)... Гаврила — уже сложившийся, хитрый и злобный враг; в фильме он не будет меняться, потому что дорогу свою избрал много раньше—дорогу, вымощенную жестокостью и предательством.

Конфликт Гаврилы и Бумбараша поначалу носит чисто личный характер: бандит силой забрал девушку Варю, которую любит Бумбараш. Но если в первых кадрах Полувалов для Бумбараша просто ненавистный соперник, то в конце фильма первоначальный конфликт — и это ненавязчиво показали создатели фильма — углубляется, перерастает в рознь социальную... Гаврила уже не «соперник», а враг.

Казалось бы, сюжет обычен. Мы видели немало фильмов и постановок на тему первых дней становления революционной власти. «Бумбараш» от них отличается необычайной лиричностью, приподнятостью повествования. Многие кадры картины, оставаясь строго конкретными, поражают своей героической символикой.

Замечательные песни Ю. Михайлова и В. Дашкевича усиливают лирическое звучание картины; прекрасна игра Е. Васильевой, Р. Ткачука, Л. Дурова, А. Хочинского и других актеров... Но не забудем же об авторе первоисточников этого героико-романтического произведения — Аркадии Гайдаре. Сама направленность его удивительного творчества была порукой тому, что на экранах появится талантливый, интересный фильм.

Н. МИХАЙЛОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Цветок. 8. Пьеса М. Горького. 9. Коробчатая деталь двигателя внутреннего сгорания. 10. Опера М. П. Мусоргского. 11. Медицинский инструмент. 13. Театральные подмостки. 14. Картина с объемным первым планом. 17. Государство в Европе. 19. Комедия Мольера. 22. Плоскодонное судно. 24. Столица союзной республики. 26. Приток Северского Донца. 28. Основа ладового строения музыки. 29. Водитель сельскохозяйственной машины. 30. Свод законов. 31. Наука, изучающая мышление. 32. Вывоз товаров за границу.

По вертикали: 1. Порода овец. 2. Форменный головной убор. 3. Химический элемент. 4. Раздел кибернетики. 6. Порт в Приморском крае. 7. Древнегреческий философ. 12. Морская промысловая рыба. 15. Созвучие окончаний слов. 16. Объявление о спектакле, лекции. 17. Растительный мир. 18. Озеро в Восточной Африке. 20. Войска, расположенные в населенном пункте или укрепленном районе. 21. Балет Л. Минкуса. 23. Ручная пила. 25. Русский землепроходец. 26. Юмористический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 27. Животное семейства кошачьих.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 5. Катамаран. 8. Канклес. 9. Нервюра. 11. Сани. 13. Стереотип. 15. «Мать». 17. Каравай. 18. Арбалет. 19. Телевидение. 22. Палитра. 23. Лужайка. 26. Жако. 27. Кручинина. 28. Айва. 29. Домкрат. 31. Портрет. 33. Кронштадт.

По вертикали: 1. Укок. 2. Стрелец. 3. Оркестр. 4. Снов. 6. Санитар. 7. Трамвай. 10. Серафимович. 12. Амальгама. 13. Скагеррак. 14. Партитура. 16. Третьяков. 20. Пирогов. 21. Парапет. 24. Рубанок. 25. Шикотан. 30. Кокс. 32. Титр.

На первой странице обложки: Они живут в Республике Куба.

На последней странице обложки: Вечерний пейзаж.

Фото Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 29/V-72 г. А 00690. Подп. к печ. 13/VI-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1143. Тираж 2 125 000 экз. Заказ № 3025.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЗДРАВСТВУЙ, АИСТ!

А. БОЧИНИН,
Б. СОПЕЛЬНЯК

В середине апреля селом овладела тревога: еще неделю назад аисты должны были вернуться в свои гнезда, а их все не было. В чем дело! Может быть, в пути застигли морозы!? Или поднялась буря и они сбились с дороги!.. Дело-то совсем не шуточное: если аисты не возвращаются в родные гнезда, значит, они чувствуют, что над селом нависла беда — пожар, неурожай, засуха. В эту примету верили все: и стар и млад. И хотя всякая примета, как известно, пережиток прошлого, эта не раз подтверждалась. Ту же засуху аисты предсказывают лучше любого барометра. Все объясняется просто: они питаются болотной живностью — лягушками, змеями да ужами, а коли не предвидится дождей, болота пересохнут и лягушек, естественно, не хватит, чтобы прокормиться и вырастить аистят. А раз так, то и лететь в родные края незачем...

...Село Хрещатое на Черниговщине лежит в низине, воды здесь вдоволь, но засухи нет-нет да и случаются.

Многие подкарауливали прилет аистов, но, как и в прежние годы, прозевали. Странная вещь: еще никто не видел, как аисты возвращаются из теплых краев.

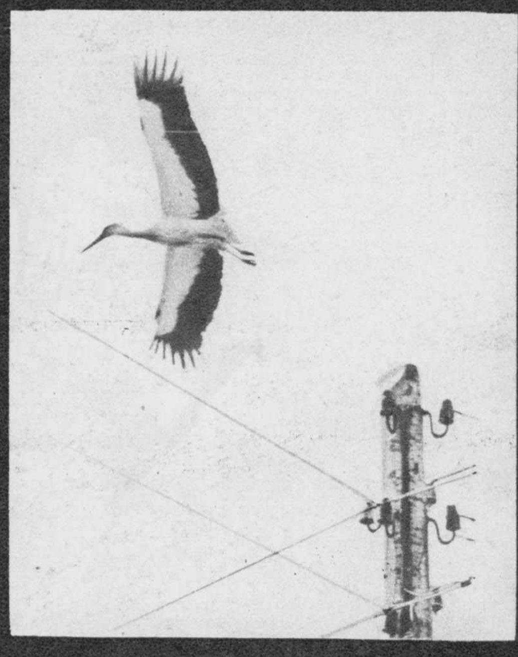
— Семьдесят семь лет живу на свете, сорок лет квартируют у меня аисты и, как ни стараюсь, не могу подстеречь их прилета,— разводит руками колхозник Павел Николаевич Питель.— Сколько в этот раз ночей не спал, сколько встретил рассветов, а снова прозевал! Прикорнул, видно, на минутку, а они будто этого и ждали: встрепенулся я, проморгался — и глазам не верю: вышаги-

Говорят, что дети лучше всех понимают животных и птиц. Не знаю, как другие птицы, а аисты подпускают к себе только Толю Исаенко.

Не всегда соседи находят общий язык...

А не сделать ли гнездо на телеграфном столбе!

«Быть клёву!»

вают аисты по гнезду и клекочут. Радостно так, весело. Я быстренько в хату, за скрипкой! Как это зачем! Мой аист Федька к музыке очень даже неравнодушный. Замрет на одной ноге, подберет степенно крылья, приоткроет клюв — и слушает. Хоть час играй — стоит и слушает! Не верите! Сейчас Федька на болоте, а вечером устрою ему концерт по заявкам. Приходите, сами увидите...

Я пришел и увидел взволнованного Павла Николаевича.

— Не до музыки! — сокрушенно вздохнул он.— Что-то у Федьки неладно...

И действительно, аист суетливо вышагивал вокруг вяза и время от времени выстукивал сухой ствол. Потом вдруг улетел и вскоре вернулся с целой компанией приятелей. Они тоже начали выстукивать ствол и корни большущего вяза. Наконец консилиум из шести аистов вынес решение и улетел. А Федька принялся разбирать гнездо и перетаскивать сухие ветки на соседнюю вербу... Через два дня вяз рухнул.

После этого случая в селе с еще большим уважением стали относиться к умной и благородной птице, которая всегда живет рядом с человеком.

...Когда мы познакомились со всеми аистами, поселившимися в Хрещатом, и собрались уезжать, на улице нас остановил белобрысый мальчишка и требовательно спросил:

— А когда пойдете в лес!

— Зачем!

— Фотографировать моих аистов!

Так мы познакомились с Толей Исаенко, сыном лесника. Когда мы вышли к их дому, Толя гортанно закричал, и в ответ с вершины дуба раздался веселый клекот. Аист тут же слетел на землю, но, увидев нас, не решился подойти ближе.

— Чужих боится,— объяснил Толя и велел идти вперед.

Когда мы скрылись за кустами, аист бросился к хозяину. А Толя, протянув к нему руки, радостно говорил:

— Соскучился! Ну, здравствуй! Здравствуй, аист!

Цветут вишни, зеленеет листва, прилетели аисты — значит, весна пришла окончательно.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663